

ПИСЬМА Ф. СОЛОГУБА К О. К. ТЕТЕРНИКОВОЙ

Публикация Т. В. Мисникевич

Личность младшей сестры Федора Сологуба, Ольги Кузьминичны Тетерниковой, до сих пор остается практически вне поля зрения исследователей жизни и творчества писателя; в воспоминаниях современников о Сологубе ей отводится всего по несколько строк.¹ Сологуб сам отметил в Предисловии к третьему изданию романа «Тяжелые сны» (сентябрь 1908 г.): «Милая спутница, изнемогающая в томлениях суровой жизни, погибнет, и кто оценит ее тихую жертву? Посвящаю книгу ей, но имени ее не назову».² Сологуб открыто говорил о своем жизненном и творческом единстве с женой, Анастасией Николаевной Чеботаревской (1876—1921),³ но, безусловно, писатель и его сестра были связаны не менее сильно. После смерти Ольги Кузьминичны Сологуб писал приятельнице покойной, М. Н. Карвовской: «Вы не можете знать, как велика моя потеря, как мне тяжело и пустынно. <...> С сестрой связана вся моя жизнь и теперь я словно рассыпался и взвевался в воздух. Живу внешне как всегда, и пишу, но как-то мне дико, что умер не я».⁴

Ольга Кузьминична Тетерникова родилась 11 (24) июня 1865 г. в Петербурге.⁵ Как и брата, ее крестила Галина Ивановна Агапова, в семье которой на месте «одной прислуги» жила их мать, Татьяна Семеновна Тетерникова (1832—1894), но, по-видимому, особого интереса и внимания к Ольге «господа» не проявляли.⁶ Она училась и жила в ремесленном приюте у Московской заставы, приходила домой только по выходным и на праздники. Тем не менее определенное культурное влияние семья, где интересовались литературой, музыкой, театром, оказала и на Ольгу.

В 1882 г. Ольга Кузьминична вместе с матерью последовала за братом в г. Крестцы Новгородской губернии: после окончания Учительского института он получил там место учителя математики в городском училище. В 1884 г. она дважды (в начале и в конце года) пыталась устроиться в Петербурге. Причиной ее отъезда из Крестцов, помимо стремления к образованию и самостоятельной жизни, возможно, явилась тяжелая семейная обстановка, вызванная деспотичным характером матери. «Как скоро обнаружился характер, два месяца жизни с родными детьми, — писала еще в ноябре 1882 г. Г. И. Агапова в ответ на письмо Сологуба о том, как устраивается их жизнь на новом месте, — я знала, что предстоит вам много горя с ней <...> Ты теперь, мой друг, человек самостоятельный, старайся ей выставить все недостатки ее характера и прямо скажи, если будет продолжаться, то тебя ненадолго хватит <...> я боюсь за мою милую дорогую Олю, жизнь с таким характером постоянно может ожесточить и ее, такие характера вредно действуют на молодых и неопытных».⁷

Из писем Ольги Кузьминичны, поступившей в Петербурге мастерицей к портнихе, видно, как трудно ей приходилось вдали от близких: «Хочу учиться в бабки, да обратиться за советом не к кому»; «Мастерицы как собаки или уж я не знаю, с чем их сравнить, мне ужасно не нравятся, весь день говорят такие гадости, что просто слушать противно, и я так рада, что я совсем на них не похожа. Как немного пристроюсь тут, тогда схожу к Бороздиным⁸ и достану программу и книг себе, буду по вечерам читать, когда все разбегутся».⁹

Девятнадцатилетней Ольге Тетерниковой был явно чужд мир, с которым она была тесно связана по своему социальному положению и происхождению. При этом сформировавшееся в детстве у Сологуба представление: «Господа — не люди»¹⁰ стало столь же близким его сестре. Вот как, например, описывает Ольга Кузьминична свой визит в семью жены Михаила Михайловича Агапова, Марии Евгеньевны, урожденной Баумгартен, помогавшей ей устроиться в Петербурге: «Марья Евгеньевна назвала меня гордой и солидной дамой, Софья и все прочие и не узнали, так представились, что они меня никогда и не знали, и все за то, что я у них не поцеловала ручек, да когда они меня послали было на кухню поесть пирога постного, то я им сказала, что я пришла не голодная да и не есть пирог, а узнать об месте <...> все там скоты страшные, я к ним теперь и не хожу, а когда я собралась к отцу,¹¹ то они мне вздумали давать 20 <копеек> на дилижанс, я денег не взяла и сказала, что к отцу сходить у меня найдутся деньги, а если их нет, то я и пешком бы дошла, да мне теперь времени нет...».¹²

Чувство уязвленного самолюбия, мнительность, обидчивость, свойственные Федору Сологубу, в не меньшей степени проявлялись у Ольги Кузьминичны. Она всячески пыталась оградить себя от «мира чахлой нищеты», нередко становилась заносчивой и нетерпимой по отношению к окружающим. Так, впоследствии, уже во время обучения в Повивальном институте, она писала о своих сокурсницах: «<...> есть очень смешные: вруньи, хвастуны размалеванные и разные и даже три жидовки, одна сидит за мною и все дышит на меня чесноком».¹³

В конце февраля 1885 г. Ольга Кузьминична вернулась в Крестцы, решить вопрос с поступлением на курсы не удалось. 5 февраля 1885 г. она писала брату: «Достала программу Родовспомогательного заведения. Чтобы поступить на казенный счет и выучиться в сельские бабки надо внести 100 руб<лей>, вольнослушающей — учиться 2 года и заплатить по 35 руб<лей>».¹⁴ Предоставить возможность сестре учиться и жить в Петербурге Сологуб смог гораздо позже: в августе 1891 г. она поступила вольнослушающей в Повивальный институт. До переезда Сологуба в Петербург Ольга Кузьминична часто писала ему в Вытегру, где с осени 1889 г. Сологуб служил учителем приготовительного класса Вытегорской учительской семинарии. Письма и посылки сестры, в числе других немногочисленных корреспонденций, были для него очень важны в условиях однообразной обстановки глухого провинциального городка. Вероятно, в то время им написано стихотворение:

В почтовый день с томительной тревогой
Я почтальона жду и жду,
Развлечься не могу работой строгой,
И нет-нет, все к окошку подойду.

Листов газеты, нового журнала
Иль дружного, желанного письма,
Всего, чего душа моя алкала
Для угнетенного ума,

Я жду с таким ревнивым нетерпеньем,
Как никогда красавец молодой,
Охвачен страстным вождельнем,
Не ждал подруги в час ночной.¹⁵

В мае 1893 г. Ольга Кузьминична сдала выпускные экзамены и получила свидетельство конференции Императорской Военно-медицинской академии на звание повивальной бабки.¹⁶ В этом же году она продолжила образование в Суворовском училище при Калинкинской больнице, где проучилась два года.¹⁷ И к учебе, и к последующей практике Ольга Кузьминична относилась очень ответственно, постоянно вела дневниковые записи о своих пациентах.¹⁸ В библиотеке Сологуба сохранилось много книг по акушерству, гинекологии и массажу, принадлежавших, по-видимому, его сестре.¹⁹

Осенью 1894 г. скончалась Татьяна Семеновна, и Ольга Кузьминична стала полноправной хозяйкой в доме брата. «Квартира Сологуба вонистину была прекрасна, ибо вся гармонична, — вспоминала Зинаида Гиппиус. — Он жил с сестрой, пожилой девушкой, тихой, скромной, худенькой. Сразу было видно, что они очень любят друг друга. Когда собрались гости (Сологуба уже знали тогда) — так заботливо приготовила чай тихая сестра на тоненьком столе, и салфеточки были такие белые, блестящие, в кольце света висячей керосиновой лампы. Точно и везде все было белое: стены, тюль на окнах... Но разноцветные теплились перед образами, в каждой комнате, лампадки: в одной розовая, в другой изумрудная, в третьей, в углу, темно-пурпуровый дышал огонек. Сестра, тихая, нисколько не дичилась новых людей — литераторов. Она умела приветливо молчать и приветливо и просто говорить. Я еще как будто вижу ее, тонкую, в черном платье, часто кашляющую...».²⁰

Отношения Сологуба с сестрой не все воспринимали в русле патриархальной идиллии. В околотитературной среде распространялись ничем не подтвержденные слухи об их кровосмесительной связи, поводом для которых послужили уединенная жизнь писателя и его сестры, а также присутствие в творчестве Сологуба темы incesta.²¹ В опровержение этих слухов Иванов-Разумник писал Е. П. Иванову 22 апреля 1941 г.: «Давным-давно знаю эту сплетню, относился к ней равнодушно (мне какое дело?), пусть даже и правда; но лишь в этом году, прочитав обширный дневник Ф<едора> К<узьмича> эпохи 1877—1898 гг., убедился в полной вздорности этой сплетни про Ольгу (а не Елизавету) Кузьминичну и ее брата».²² Несомненно, Ольга Кузьминична знала о своеобразии психофизической жизни брата, в ее письмах из Петербурга периодически затрагивалась тема «порки»: «Пиши, секли ли тебя и сколько раз»; «Ты пишешь, что маменька тебя часто сечет, но ты сам знаешь, что тебе это полезно, а когда тебя долго не наказывают розгами, ты бываешь раздражителен, и голова болит»; «Маменька тебя высекла за дело, жаль тебя, что так больно досталось, да это ничего, тебе только польза»; «Маменька хорошо делает, что часто тебя сечет розгами, польза, даже и для здоровья».²³ После смерти матери Ольга Кузьминична волею судьбы оказалась в роли «женщины-палача».²⁴ В «Канве к биографии» Сологуба имеется запись: «1894—1907. Сестра. Секла дома, в дворничкой, в участке»,²⁵ с которой соотносятся некоторые стихотворения цикла «Из дневника», например, датированное 26 мая 1904 г.:

«Что топорщишься, как гоголь!
Не достать тебя рукой!
А скажи, вчера не строго ль
Обошлася я с тобой?

Вишь, инспектор, важный барин! —
Раскричалась сестра, —
А давно ли был отжарен
Розгачами ты? Вчера?

Дома ходишь босошлепом, —
Для смиренья так велью, —
А забылся, — по Европам
Розгами сейчас пошло.

Я тебе теперь за дело
Пропишу и ой и ай!
Раздевайся-ка да тело
Мне под розги подставляй!»

На колени положила,
Розги крепкие взяла,
И бранила, и стыдила,
Сорок розог мне дала.

И в одной из кар домашних
Мне опять пришлось реветь,
А на ссадинах вчерашних
Новая чертилась сеть.²⁶

Болезнь сестры стала для Сологуба тяжелым ударом. Летом 1906 г. он возил Ольгу Кузьминичну (она страдала наследственной чахоткой) в поселок Шафраново Уфимской губернии на лечение кумысом. По-видимому, и после лечения болезнь продолжала прогрессировать, предчувствие близкой потери Сологуб с горечью выразил в поэтических строках:

Нет, умираем, плача тайно,
Сестра и я.

(«Мы были праздничные дети...», 30 августа 1906 г.).

Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помогн мне, милый брат».

(«Тихая колыбельная» («Много бегал мальчик мой...»), 19 октября 1906 г.).²⁷

Весной 1907 г. Сологуб перевез умирающую сестру на дачу в Райвола, постоянно заботился о ней, вел дневник записей температуры.²⁸ После ее кончины Сологуб писал: «Она умерла от процесса в правом легком. Процесс в горле был сравнительно невелик, и пока непосредственно не опасен, хотя очень мучителен; по-видимому, состояние гортани стало даже улучшаться. В последнее время ей все более становилась отвратительна всякая пища, и даже запах пищи; все труднее, мучительнее и противнее было есть <...>, поэтому силы падали. <...> Процесс в легком вызвал плеврит с мучительными болями. Учащались припадки удушья. Пришлось прибегать к морфию».²⁹ «Тихая сестра» находила в себе силы писать брату трогатель-

ные записки: «Милый мой добрый Федя, прости, что я тебя вчера огорчила, поверь, что мне нездоровится еще, вот немного оправлюсь и тогда не буду нервничать. <...> Сегодня много пришлось говорить, так очень устала и даже как-то озябла, верно, после аспирина, да и ветер сегодня очень холодный. <...> Любящая тебя всей душой сестра О.»³⁰

Ольга Кузьминична скончалась 28 июня (11 июля) 1907 г., была похоронена на Смоленском кладбище, вероятно, рядом с отцом и матерью.³¹ Потрясенный смертью сестры, Сологуб писал В. Я. Брюсову 8 июля 1907 г.: «Смерть моей сестры для меня великая печаль, не хотящая знать утешения. Мы прожили всю жизнь вместе, дружно, и теперь я чувствую себя так, как будто все мои соответствия с внешним миром умерли, и весь мир на меня, и все люди меня ненавидят».³² В приближении второй половины годовщины смерти Ольги Кузьминичны Сологубом было написано стихотворение:

Был глаз чудовища нелеп, —
Костер у берега морского, —
И было небо точно склеп
В дому художника седого.

И кто мечтал на берегу,
Огнем и пеплом зачарован,
Тот был опять в немом кругу,
В ночном кругу опять закован.

Над золотым огнем костра,
Ответом робкому вопросу,
Я видел, милая сестра,
Твою взметнувшую косу.

Блеснув унынью моему
Мгновенно ясною улыбкой,
Ты убежала снова в тьму,
Как будто ты была ошибкой,

Как будто здесь на берегу
Не надо яркого мельканья,
Ни огневого полыханья,
Ни смеха в пламенном кругу.

23—24 июня 1909 г.³³

Наиболее близкие и дорогие Сологубу черты Ольги Кузьминичны — кротость, смирение и в то же время гордость, стремление «творить жизнь», воплотились в образах героинь его произведений, прежде всего Ирины (стихотворение «Ирина» («Помнишь ты, Ирина, осень...») 1—22 октября 1891 г. и рассказ «Помнишь, не забудешь»)³⁴ В архиве Сологуба сохранился недатированный набросок «Моя маленькая сестра. Рассказ умирающего брата»: «Девочка слабая, больная, экзальтированная, напоминающая Елизавету Кульман: поэтическая мечтательница, страстная и сосредоточенная в себе, все мечтает о прекрасных странах. Мать — бедная прачка, женщина озлобленная и надломленная, суровая и раздражительная, несчастная и истерзанная». Девочка играет с богатыми детьми. Они пускают ее в комнаты. Она

наслышалась от них (тоже брат и сестра) разных рассказов о далеких, прекрасных странах. Работа фантазии. <...> Девочка умирает на руках брата...»³⁵ Елизавета Кульман (1808—1825), с которой сравнивается героиня неосуществленного произведения, — поэтесса и переводчица. Она обладала исключительными способностями к языкам: знала одиннадцать, говорила на восьми. В детстве испытала сильную нужду (отец Кульман умер молодым, оставив вдову и восьмерых детей), впоследствии семья Кульман переехала в дом священника Горного корпуса П. А. Абрамова, здесь Кульман попала в общество директора Горного корпуса П. И. Медера и его дочерей, слушала лекции, много читала. Биографы Кульман отмечали ее душевное благородство, скромность, доброту, необходимую волю к достижению намеченной цели. В ноябре 1824 г. Кульман простудилась, долго болела и умерла от чахотки. В судьбе поэтессы прослеживаются явные параллели с судьбой сестры и брата Тетерниковых.

Памяти Ольги Кузьминичны Сологуб посвятил сборник «Пламенный круг», драму «Победа смерти», роман «Тяжелые сны» в издании 1908 г.

По воспоминаниям О. Н. Черносвитовой, незадолго до смерти Сологуб видел сон об ушедших дорогих для него женщинах — жене, сестре и матери: «Теперь я спокоен, я знаю, что уж недолго. Ночью видел всех трех сразу и такие добрые, ласковые, сказали, что ждут меня».³⁶

В состав настоящей публикации входят 30 писем Сологуба О. К. Тетерниковой: небольшая записка, переданная четырнадцатилетним Федором Тетерниковым сестре в ремесленный приют, и письма из Вытегры в Петербург 1891—1892 гг.

Тексты писем воспроизводятся по автографам (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 36). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой.

Фрагменты писем Сологуба к О. К. Тетерниковой были опубликованы и отрецензированы К. М. Азадовским в составе его публикации «Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой)» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 261—289).

---

¹ См., например: *Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 486; *Добужинский М. В.* Встречи с писателями и поэтами // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 359; *Тэффи Н. А.* Федор Сологуб // Там же. М., 1993. С. 81, 83; *Чулков Г. И.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 146; *Конст. Эрберг (К. А. Соинерберг)*. Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 138.

² *Сологуб Ф.* Тяжелые сны. Л., 1990. С. 18.

³ См. вступительную статью Ф. Сологуба об А. Н. Чеботаревской в кн.: Женщина накануне революции 1789 года. Пг., 1922. С. 15—17; см. также: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступит. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—384.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 45. В. Я. Брюсов писал Сологубу 5 июля 1907 г.: «Дорогой Федор Кузьмич! Меня очень поразило неожиданно Ваше сообщение о смерти Вашей сестры. Я знал ее мало, но так привык соединять Ваш образ с ее образом, что испытываю как бы потерю давно и хорошо знакомого человека» (Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 108).

⁵ Биографические сведения об О. К. Тетерниковой см. также: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступит. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 232—234. См. также письма О. К. Тетерниковой к Ф. Сологубу за 1877—1907 гг. в РО ИРЛИ (ф. 289, оп. 3, № 934).

⁶ См., например, «Шутивный проект просьбы для няни Лининой, Татьяны», написанный мужем младшей дочери Г. И. Агаповой, Галины, Ф. А. Витбергом: «Понравился господам мой сынишка: он и вправду такой беленкий да курчавень-

кий, словно не простого мещанина он сын, а какого ни на есть знатного барина. И умом, и проворством его Бог не обидел. Господа и полубожили его, и все то он с ними, все в комнатах барских» (РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, № 6). Ольга в этой связи в данном тексте нигде не упоминается.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 907, л. 18—19 об.

⁸ Бороздины — родственники Григория Осиповича Бороздина, мужа рано умершей старшей дочери Г. И. Агаповой, Антонины. Его сестра, Прасковья Осиповна, была врачом по женским и детским болезням, ее муж, Евгений Львович Розенштейн, — лекарем.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 10, 11 об. Возможно, впечатления и рассказы сестры о работе в швейных мастерских, нашли отражение в рассказе Сологуба «Белая собака». Ср.: «Так все опостыло в этой мастерской губернского захолустного города, — эти выкройки, и стук машинок, и капризы заказчиц, — в этой мастерской, где Александра Ивановна и училась, и уж столько лет работала закройщицею. Все раздражало Александру Ивановну, ко всем она придиралась, бранила безответных учениц, напала и на Танечку, младшую из мастериц, вчерашнюю здешнюю же ученицу. Танечка сначала отмалчивалась, потом вежливым голосом и так спокойно, что все, кроме Александры Ивановны, засмеялись, сказала: „Вы, Александра Ивановна, сушая собаку!“» (*Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1914. Т. 7: Дни печали. С. 157).

¹⁰ *Сологуб Ф.* Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 250.

¹¹ К. А. Тетерников был похоронен на Смоленском кладбище.

¹² РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 14 об.—15.

¹³ Там же, л. 46.

¹⁴ Там же, л. 29.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 2, л. 247. О роли вытегорского периода в творческой биографии Сологуба см. во вступительной статье К. М. Азадовского к его публикации «Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой)» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 261—267).

¹⁶ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 66, л. 12.

¹⁷ См.: Там же, л. 22.

¹⁸ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 67.

¹⁹ См.: *Шаталова Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 438—451.

²⁰ *Гиппиус З. Н.* Отрывочное (О Сологубе) // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 97. См. также: *Добужинский М. В.* Встречи с писателями и поэтами. С. 359; *Чулков Г. И.* Годы странствий. С. 146.

²¹ См.: *Павлова М. М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса» (Алголагнический роман Федора Сологуба) // *De visu*. 1993. № 9. С. 38. Дж. Меррил в статье «Тайное признание в инцесте в драме Сологуба „Победа смерти“» (Русская литература. 2000. № 2. С. 138—145) делает заключение, что Сологуб воспринимал свои отношения с сестрой как инцестуальные.

²² Собр. М. С. Лесмана.

²³ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 13 об., 59 об., 62 об., 123 об.

²⁴ См.: *Павлова М. М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса». С. 37.

²⁵ *Сологуб Ф.* Канва к биографии. С. 256.

²⁶ *Сологуб Ф.* Цикл «Из дневника» / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 г. СПб., 1993. С. 153.

²⁷ *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1979. С. 335, 336.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 68.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 45. См. также: *Чулков Г. И.* Годы странствий. С. 149.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 155—156.

³¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 66, л. 35.

³² Цитируется по: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 292.

³³ *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 20 томах. СПб., 1915. Т. 9. С. 211.

³⁴ Ср.: Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступит. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 278—279.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 150—151.

³⁶ Неизданный Федор Сологуб. С. 242.

15 (27) мая 1877 г.

15 мая 1877 г.

Милая Оля!

Извини, пожалуйста, что я забыл прислать тебе в прошлое воскресенье Историю Рождественского.¹ Посылаю ее тебе теперь с мамой. Если тебе нужна какая-нибудь книга, скажи маме или напиши мне. Прощай.

Любящий тебя брат Тетерников.

¹ *Рождественский Сергей Егорович* (1834—1891) — писатель, составитель учебников «Отечественная история. Курс средних учебных заведений» (Вып. 1—2. СПб., 1869—1870), «Отечественная история в рассказах. Для народных и низших школ и вообще для детей старшего возраста» (СПб., 1873) и др.

1 (13) сентября 1891 г.

1 сентября 1891 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Мы с мамой были очень рады, получив твое письмо. Оказывается, что ты доехала почти благополучно, а у нас в Вытегре говорили, что от Вознесенья по Свири вниз нет парохода и что тебе придется там ждать или ехать на буксирных. На каком же пароходе, однако, ты ехала, и пришлось ли ждать у Вознесенья?¹ — Надеемся, что дела твои устроятся благополучно. Мы здоровы, и никаких особенных происшествий у нас не случается пока. Интересно знать еще, не отличился ли еще чем-нибудь трешкоут.² Как тебе было ехать на нем, удобно ли? Марья Матвеевна³ уверяла, что в каюте непременно много блох и очень сыро; правда ли? Прошла ли твоя голова, или все еще кружится от Ладожской качки? Впрочем, ты получишь это письмо уже через целый десяток дней после приезда в Петербург. Вообще, пиши нам как можно больше и подробнее о том, как ты живешь и что подделываешь, а мы с мамой будем читать и воображать, что это мы у тебя в гостях. — Дела наши идут пока хорошо. Ссудо-сберегательная касса устраивается помаленьку.⁴ Было три собрания в зале семинарии: 25 и 29 августа и сегодня. Сегодня было последнее совещание, окончили рассмотрение устава, в котором многое изменили, и решили просить об утверждении, что поручили Маккаеву.⁵ Председателем был на всех собраниях, конечно, Маккаев, а я — секретарем. В первый раз собралось 25 человек, во второй — 15, а в третий — 11. Членов у нас теперь 31 — пристал вновь Иван Александрович Копытов,⁶ на которого я уж и не рассчитывал. Да и кроме этих будет еще много

сельских учителей. — Мама кланяется тебе, целует тебя и желает тебе всяких успехов. То же самое делаю и я. С нетерпением ждем твоего субботнего обещанного письма. Пиши, нужны ли деньги и сколько.

Любящий тебя брат Федор Тетерников.⁷

¹ Вознесенье — село Вытегорского уезда, пристань на берегу Онежского озера. 31 августа 1891 г. «Олонецкие губернские ведомости» сообщали: «Вследствие мелководья на реке Свири, расписание рейсов изменилось: пароходное сообщение со столицей будет продолжаться, но с пересадкой — как нам передавали — в Вознесенье и Лодейном Поле» (№ 67. С. 684).

² Трешкоут (гол. *trekschuit*) — небольшое деревянное беспалубное речное судно.

³ М. М. Заякина. См. примеч. 10 к п. 3.

⁴ К организации ссудо-сберегательной кассы, как к одному из общественных начинаний в Вытегре, Сологуб отнесся с большим вниманием. 8 октября 1891 г. он писал В. А. Латышеву: «Многоуважаемый Василий Алексеевич! Со времени моего последнего письма к Вам удалось привести к благополучному разрешению (да и то не вполне) только одно из предложений, а именно устройство ссудо-сберегательной кассы: на днях проект выработанного нами устава был отправлен в Петербург на утверждение. Оказалось, что легкость привлечения членов к новому для нас делу в значительной степени зависела от участия в нем директора: многие примкнули, только глядя на него. Набралось пока желающих участвовать в кассе человек 30; из служащих в Вытегре учителей не желающих участвовать в кассе вовсе не оказалось, присоединились и некоторые сельские учителя; из их среды, судя по отзывам их товарищей, найдется много участников. Дело сделалось сравнительно скоро: мы с Заякиным составили проект устава, по образцу существующих, и этот проект был принят за основу суждений; собирались в зале семинарии 3 раза, отнеслись к делу очень внимательно и обсуждали встретившиеся вопросы, к моему удивлению, весьма дельно, так что проект подвергся значительной переработке, и эта перделка послужила к значительному улучшению проекта. К сожалению, внимание нашей публики очень скоро утомляется: на первом собрании было человек 25, на 2-м — 15, а на третьем — только 10, несмотря на то, что собирались по воскресеньям, днем, и на эти дни приходилось довольно хорошая погода» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 30, л. 29—30). Данный сюжет нашел отражение в романе Сологуба «Тяжелые сны» (см. главы 2 и 9).

⁵ *Маккаев Митрофан Егорович* — директор Вытегорской учительской семинарии с июля 1889 г. до ее закрытия в 1894 г.

⁶ *Копытов Иван Александрович* — учитель рисования, черчения и чистописания Вытегорской учительской семинарии. В черновых бумагах Сологуба сохранилась запись о нем: «Копытов. Как странно у них всех бросается в глаза недоброжелательство! Они все как бы рады чужому несчастью и спешат наброситься на него, как вороны на падаль. Даже такой пустяк, как невыдача мне жалованья Мак<каевым> в авг<усте> <18>92 г. заставила Копытова внимательно всматриваться в меня, чтобы уловить, как на меня это подействовало» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 80).

⁷ Далее зачеркнуто: Вчера мама очень больно высекла меня преотличными розгами.

3

10 (22) сентября 1891 г.

10 сентября 1891 г.
Вытегра.

Милый друг Оля!

С тех пор как мы получили твое письмо от 31 августа, к нам не приходило твоих писем. А мы ждем их с самым горячим нетер-

пением; пиши нам, как идут твои дела, твои занятия, как ты живешь, здорова ли, и, одним словом, все нас интересует. — Мы на прошлой неделе в среду давали обед уезжающему Дурново¹ (ты уж знаешь, кажется, что он переведен в Ковно начальником округа). Были только немногие из его ближайших знакомых; инженеров не было. Были: о. Павел Ив<анович> Соколов,² Ахутин,³ Костин,⁴ Копытов и я — из семинарии; затем Андреев,⁵ Пацановский⁶ (наш сосед), Воробьев-старший⁷ и еще несколько, всего 13 человек, кроме самого Дурново. Обед был в зале инженерного клуба. Дурново был очень любезен и оживлен; вообще он очень рад и сияет от своего перевода, почти так же, как и сиял наш Дворянский.⁸ На обеде были прочитаны мои стихи, по моей просьбе, Ахутиным.⁹ Стихи всем понравились и очень польстили самого Дурново. Теперь Дурново уже уехал и в настоящее время находится, должно быть, в Петербурге. Жена его уехала позже. Вещи почти все распроданы, также и товары, запасенные ими на зиму. — В пятницу мы с мамой были на именинах Заякина,¹⁰ но сидели только до 10 часов: родитель дольше не захотел сидеть, а с нею ушел и я. В воскресенье вечером Заякины¹¹ были у нас с Костиным и Смеловым.¹² Так как у нас не нашлось закусок, то Марья Матвеевна сама сходила к Пудровой¹³ за селедкой. Играли в шахматы,¹⁴ мама легла спать, а вслед за нею и Мар<ья> Матв<еевна> заснула на диване. Ушли в 12-м часу. Вот как мы проводим время иногда, чаще же сидим дома. — Кстати, о гостях и о пр<очих>: А. В. Дурново просил передать тебе почтение, что я забыл сделать в прошлом письме. — Устав нашей ссудо-сберегательной кассы переписывается теперь на бело для отсылки министру; эту работу занимается Ельцов.¹⁵ — Дроздов¹⁶ просил у меня твой адрес: Оттилия Робертовна¹⁷ едет в Петербург (и уж, кажется, уехала) и желает тебя посетить; должно быть...¹⁸

¹ Дурново Александр Владимирович (ум. 1915) — помощник начальника Вытегорского округа путей сообщения. Сологуб переписывался с ним в 1891—1897 гг. (сохранились письма А. В. Дурново — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 247), посылал ему свои произведения. 1 ноября 1896 г. А. В. Дурново писал Сологубу из Ковно: «Многоуважаемый Федор Кузьмич. Получил Ваши „Тени“ и приношу Вам искреннюю признательность за внимание. Что руководит Вами в выборе сюжетов для рассказов? Рассказы, на мой взгляд, написаны хорошо, но сюжеты так мрачны, что, невольно, производят неудовлетворительное впечатление. Конечно, вечное сияние приторно, но и постоянный мрак в нашу эпоху издерганных нервов не может доставить нравственного успокоения и потому вредит эстетическому впечатлению. Ваши „Тяжелые сны“ вызвали слишком много порицаний, и гг. критики набросились на роман, кажется, главным образом вследствие глухости нынешней литературной поры и недостатка предметов для хлестких разборов» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 247, л. 8—9).

² Соколов Павел Иванович — священник, законоучитель Вытегорской учительской семинарии, с сентября 1893 г. смотритель духовного училища в г. Порхове Псковской губернии. По отзывам сослуживцев, отличался честностью и принципиальностью. Например, А. Г. Костин писал Сологубу 23 сентября 1892 г.: «К нашему огорчению, у нас все по-старому, те же надутое чванство, грубость, антипедагогические выходки со стороны начальства <...> и в довершение всего этого, к стыду нашему, полнейшее отсутствие желания с нашей стороны бороться с этим. Исключение составляет, впрочем, о. Павел, который, мне кажется, при удобном случае, насколько достанет сил и умения, пожалуй, и поборется!» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3,

№ 917). В архиве Сологуба сохранились шуточные стихотворения, обращенные к о. Павлу, например:

Привычек прежних не оставил
Отец непримиримый Павел:
О чем бы речь не завелась, —
Готов он спорить целый час...

(РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 10, л. 46 об.), а также 15 писем П. И. Соколова к Сологубу за 1893—1898 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 933), судя по которым о. Павел навещал писателя во время своих приездов в Петербург, приглашал его с Ольгой Кузьминичной на лето в Порхов, был знаком с произведениями Сологуба. Отношения с семьей Тетерниковых у о. Павла были очень теплые, 12 августа 1893 г. он писал Сологубу: «Добрейший Федор Кузьмич! Вы, Ольга Кузьминична и Татьяна Семеновна были для меня среди петербургской пустыни единственными лицами, которые оживляли меня, заставляли забывать меня мое одиночество. Самыми лучшими часами за все время пребывания моего в Петербурге были часы, которые я проводил в Вашей квартире. Вы были для меня всегда, как родные» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 933, л. 2). См. также: Федор Сологуб в Вытегре. С. 275.

³ Ахутин Никифор Иванович — соученик Сологуба по Учительскому институту, в 1883—1884 гг. сверхштатный учитель городского училища при Санкт-Петербургском учительском институте, учитель русского языка Вытегорской учительской семинарии, впоследствии был переведен в Череповецкую учительскую семинарию, с 1908 г. постоянно жил в Петербурге. Был с Сологубом в дружеских отношениях, до 1914 г. они переписывались (сохранилось 10 писем Н. И. Ахутина к Сологубу — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 41). В бумагах Сологуба имеется характеристика Ахутина: «Привычки: торжественно ковырять нос, тыкать пальцем в собеседника, почесывать в затылке, делая гримасу, произносить: „хе-хе-хе“ раньше своего смешного рассказа. Человек, желающий взять все проценты с своих хороших качеств и всем своим говорящий о том, что он очень хорош. Голова вверх — вид деревянного человека. Самоуверенность непоколебимая. Привычка косить глазами в раздражение К<арлу> К<арловичу> С<ент>-И<леру>, особенно когда снимает очки. Некоторые привычки порядочности: не надоедает расспросами, но не всегда, однако. Хитер, из породы „себе на уме“, но недалек» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 232). О К. К. Сент-Илере см. прим. 6 к п. 8.

⁴ Костин Александр Герасимович — учитель приготовительных классов Вытегорской учительской семинарии. Сохранилось 10 писем А. Г. Костина к Сологубу за 1892—1893 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 917).

⁵ Андреев Иван Никитич — гласный Вытегорской городской думы, мировой судья.

⁶ Пацановский Цезарь Александрович — правитель канцелярии Вытегорского округа путей сообщения.

⁷ Вероятно, Михаил Федорович Воробьев — гласный Вытегорской городской думы, почетный мировой судья, член попечительского совета женской прогимназии.

⁸ Дворянский Петр Иванович — преподаватель естествознания Вытегорской учительской семинарии, председатель педагогического совета женской прогимназии, казначей городского благотворительного общества, впоследствии инспектор народных училищ 1-го района Новгородской губернии.

⁹ Имеется в виду стихотворение, датированное 1 сентября 1891 г.:

СОНЕТ

Ал<ексан>дру Влад<имировичу> Дурново

В пустынных небесах скитался комета,
Везде встречая мрак и холод гробовой,
Но солнце встретило ее потоком света,
И вспыхнула она красивою звездой.

Вы озарили путь безвестного поэта
Речами теплыми, отзывчивой душой.
И робкие стихи в созвучие сонета,
Звеня в его душе, сбегаютя толпой.

Комета бедная, по небесам блуждая,
О солнце ласковом с тоскою вспоминая,
Свиданья нового с светилом жарким ждет.

А я утешуся отрадною мечтою,
Что Ваш приветный взор порою упадет
На стих, начертанный нелживою рукою.

(РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 10, л. 82).

¹⁰ *Заякин Михаил Павлович* — выпускник Санкт-Петербургского Учительского института 1885 г., преподаватель Вытегорского двухклассного городского училища, с 1893 г. его заведующий, впоследствии инспектор народных училищ 2-го района Олонечской губернии. В архиве Сологуба сохранилась запись о нем: «Заякин Мих<аил> Павл<ович>. Общесемейная привычка насмешничать: я говорю „ручная фотогр<афическая> камера“, а он: „да ножных и нет“. Обидчивость, общий вопрос прилагает к себе. Я говорю: „жениться — глупость“. — „Да, я глупость сделал“. В пьяном виде слезлив. У Ахутина первый раз после мира был вечером, напился и выпалил: „Неужели и все так будет продолжаться? Теперь один ребенок, да еще десятка два чужих будет“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 82).

¹¹ М. П. Заякин и члены его семьи: жена, Марья Матвеевна, мать, Прасковья Матвеевна, и сестра, Анна Павловна Заякина, — выпускница первого выпуска (1882 г.) Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге; учительница русского и французского языка в женской прогимназии. Характеристика А. П. Заякиной, данная Сологубом: «Солидная особа. Любит говорить по-немецки с М<арьей> М<атвеевной>. Однако для брата поехала в Вытегру из С<анкт>-П<етер>б<урга> на малое жалованье. С высшим образованием. Очень этим довольна» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 83).

¹² *Смелов Александр Иванович* — выпускник Санкт-Петербургского Учительского института 1890 г., помощник учителя в Вытегорском городском училище; в дальнейшем вернулся в Петербург, служил учителем Сампсониевского городского училища, в 1911 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Выпустил сборник «Аскет и другие рассказы» (СПб., 1898); экземпляр книги с дарственной надписью автора имелся в библиотеке Сологуба (см.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию. С. 440). В архиве Сологуба сохранилось 3 письма Смелова за 1912—1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 625).

¹³ Имеется в виду магазин вдовы купца И. И. Пудрова.

¹⁴ По-видимому, игра в шахматы была одним из любимых развлечений Сологуба. Он собирал газетные вырезки с задачами по шахматам, начал писать статью «В чем очарование шахмат» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 60). В библиотеке Сологуба имелся экземпляр книги: *Дюфрен Жан*. Руководство к изучению шахматной игры. СПб., 1897 (*Шаталина Н. Н.* Библиотека Сологуба. Материалы к описанию. С. 457). В архиве Сологуба есть стихотворение, датированное 1 мая 1890 г.:

Я в шахматы люблю играть,
Хоть бестолково я играю:
Игру мне скучно изучать,
И я теории не знаю.

Мои партнеры не сильны,
Играют в шахматы, как в карты,
И никакие не страшны
Мне в строгих шахматах азарты.

(РО ИРЛИ,
ф. 289, оп. 1, № 10, л. 116).

¹⁵ Вероятно, *Алексей Федорович Ельцов* — чиновник почтово-телеграфной конторы г. Вытегра.

¹⁶ *Дроздов Иван Кузьмич* — учитель математики Вытегорской учительской семинарии, в 1897—1900 гг. заведующий винным складом в г. Вытегра. Среди черновых набросков Сологуба имеется запись о нем, датированная 26 января 1892 г.: «В манере И<вана> К<узьмича> Д<роздова> говорить посмеиваясь, в известных случаях

виден закоренелый мерзавец. Его топот. Хорош и топот остальных» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 78).

¹⁷ О. Р. Дроздова, жена И. К. Дроздова.

¹⁸ Конец письма отсутствует.

4

20 сентября (2 октября) 1891 г.

20 сентября 1891 г.

Вытегра.

Дорогая Оля!

Все твои 4 письма мы получили, ни одно из них не затерялось; только я не успел написать тебе до сих пор третьего письма, зато я тебе пишу по 2 листа на письмо. Советую и тебе писать по столько же: все равно и 2 листа дойдут за ту же 7-коп<еечную> марку, а написать на них можно больше. Нам же с родителем приятнее будет, если твои письма будут большие, и будут ходить часто. — Катерина остается у нас по-прежнему, а Заякина ходила за селедкой потому, что они пришли очень поздно — в 9-м часу. — Ирина еще не приходила к нам; у нее только вчера родился мальчик.¹ — Как вы теперь обедаете, дома или в кухмистерской?² Надеюсь, однако, что ты обедаешь каждый день и не голодаешь: хотя не обедать и очень экономно, но можно расстроить желудок, не правда ли? Вообще, не экономничай слишком и, если понадобится денег больше, чем я пришлю, хоть бы и в середине месяца, то напиши, — я вышлю; особенно не следует скупиться в том случае, если понадобится приобрести какие-нибудь книги или вообще что-нибудь, что будет нужно для занятий. Вот ты в прошлом письме писала, что надо купить книжку в 60 к., которая у некоторых есть, а ты не купишь, пока не скажут, что надо. Расход, кажется, невелик, и лучше купить, чем испытывать неудобства. — Маменька просит, чтоб ты купила ей на кальсоны 1½ аршина красной фланели по 2 р. (ты, впрочем, уж знаешь, что именно надо: родитель говорит, что ты обещала ей). Купи из тех денег, что я посылаю теперь, а если тебе самой не хватит денег, то напиши. Фланель вышли по почте, посылкой, заделав ее в холст и перевязав накрест веревкой (так требуется правилами); на посылке обозначь цену, что полезно на случай пропажи. Это будет стоить недорого: страховых по ½ к. с рубля (значит, всего 2 к., дробь прибавляются, а потому можешь обозначить цену в 4 рубля); весовых по 5 к. за фунт, но не меньше 20 к. за посылку и за расписку 5 к. — Нового у нас ничего нет. Погода была дождливая, сегодня теплый день, но на улицах везде грязь. Маменька теперь на ноги не жалуется. Мы кланяемся тебе, целуем тебя и желаем здоровья, успеха в занятиях и вообще всех благ. Тебе кланяется Пудрова, Нечаева³ и

др. Передай наши с маменькой поклоны твоей сожительнице, Авдотье Порфирьевне.⁴

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

Р. S. Прилагается при этом 25 рублей. Если мало — пиши. — Следующее мое письмо будет вскоре; теперь пишу мало, потому с деньгами неудобно.

¹ В письме от 15 сентября 1891 г. Ольга Кузьминична спрашивала брата: «Приходила Ирина проситься или нет? И ходит ли Екатерина или кто другой? Пусть родитель меньше хлопочет...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 43).

² Кухмистерская — небольшой, недорогой ресторан, столовая.

³ Нечаева Вера Сергеевна — учительница в приготовительном классе Вытегорской женской прогимназии, жена П. Т. Нечаева (см. примеч. 2 к п. 8).

⁴ Хмырова Авдотья Порфирьевна — сокурсница Ольги Кузьминичны, вместе с которой она снимала комнату. «<...> на будущей неделе ко мне в комнату будет переезжать Авдотья Порфирьевна Хмырова (сибирячка), — писала Ольга Кузьминична брату 31 августа 1891 г., — она стипендиатка <...> хорошая, скромная такая, кажется, а если мне не понравится, то она выедет, мы уже с ней об этом говорили, мать ее очень меня просит взять ее, ей только еще 18 лет, а мне будет выгоднее да и веселее, а то одной все сидеть скучно, да и учиться мне будет легче» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 39).

5

20 сентября (2 октября) 1891 г.

20 сентября 1891 г.

Вытегра.

Милая Оля.

Все твои 4 письма мы получили, ни одно не затерялось. — Катерина остается у нас по-прежнему, а Заякина ходила за селедкой потому, что они пришли поздно, в 9-м часу. Ирина еще не приходила к нам, у нее вчера родился мальчик. — Погода была дождливая, сегодня тепло, но на улицах везде грязь. Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко босиком,¹ и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову,² но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел было обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька очень рассердилась и пребольно высекла меня розгами, после чего я уже не смел упрямиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности, и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство, и строго приказал ей сечь его почаще.³

Прилагаю при этом 25 рублей. Если мало — пиши.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Мотив «босых ног» — один из наиболее устойчивых в творчестве Сологуба. Ср.: *Черновитова О. Н.* Материалы к биографии Сологуба. С. 231; *Сологуб Ф.* Канва к биографии. С. 254—255.

² Возможно, речь идет о М. А. Сабурове. В архиве Сологуба сохранилось 3 письма Сабурова к нему за 1897—1898 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 930: бывший ученик обращается к Сологубу с просьбой помочь в подготовке к поступлению в Учительский институт).

³ Ср. стихотворение, датированное 17 октября 1891 г.:

Поставил я недавно Войку
В его небрежную тетрадь
За множество ошибок двойку.
Подвинуть надо хоть на пядь

Лентяя мерю суровой,
Хоть чрезвычайной, но простой.
К его хозяйке Балашовой
Иду я вечером босой.

(Чтоб не рискнуть домашним миром
И маму вновь не рассердить,
По ученическим квартирам
Пришлось мне босиком ходить).

Да кстати и на Балашова
Ахутин жаловался мне.
«Его приструньте заодно вы, —
Он с Войком в вашей стороне».

Вхожу. Подростка два босые
Встают, и кланяется мать.
В беседе с ней вины большие
Пришлось не долго разбирать.

По моему приказу бойко
Тотчас послушный Балашов
С таким усердием выдрал Войка,
Что поднял тот прегромкий рев.

И на полу потом вот этом,
Где Войка розгами хлестал,
И Балашов лежал раздетым,
И Войк его усердно драл.

«Спасибо вам, что так вы строги!» —
Вдова меня благодарит,
Целует мне босые ноги,
Мальчишкам целовать велит.

(РО ИРЛИ,
ф. 289, оп. 1, № 4, л. 1295).

В романе «Мелкий бес» (1892—1902) Передонов ходит по квартирам и наказывает учеников розгами или требует от родителей сечь детей в его присутствии («Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут, — и Передонов доволен. <...> Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там вел он себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал» (гл. 13).

Ср. также запись Сологуба, датированную 2 февраля 1892 г.: «Жестокосердие гг. педагогов доходило до степеней изумительных. <...> больше удовольствия доставляли послеобеденные прогулки к родителям провинившихся учеников. Сладострастное неистовство удовлетворялось в гораздо большей степени созерцанием обнаженного тела мальчишки, краснеющего и багровеющего под жестокими ударами березовых прутьев, между тем как истязуемый мальчишка орал благим матом и от-

чаянно бился об пол голыми ножонками. Когда родитель утомлялся, учитель брал в руки розги, и удовольствие его доходило до высшей степени, когда мальчишка ерзал и вопил под его руками, а на теле так и врезывались новые следы озлобленной порки. Но как ни интенсивны были эти удовольствия, пытки иного рода, истязания душевные, доставляли гораздо больше удовольствия освирепевшим педагогам. Тем более, что и эти пытки соединялись в большей или меньшей степени с телесными истязаниями» (цит. по: Павлова М. М. Из творческой предыстории «Мелкого беса» (Алголагнический роман Федора Сологуба) // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 338—339).

6

3 (15) октября 1891 г.

3 октября 1891 г.
Вытегра.

Милый друг Оля!

Твою посылку мы получили вчера и очень благодарны с родителем тебе за нее. Зачем только ты разорилась на запонки? Мне они нужны меньше, чем тебе деньги в Петербурге, где все дорого; но, впрочем, спасибо и за запонки и за перья. Пиши, достаточно ли тебе денег до 20-го и не надо ли прислать еще, а то, может быть, ты на нас-то потратилась, а тебе самой и мало осталось. Дроздова приехала сюда уже в среду в 3 часа ночи. Я был у них в тот же день вечером (значат, вчера) и получил посылку, которую они, по их словам, уже собирались отправить к нам. Посылка доехала в совершенно исправном виде, и оба пряника даже нисколько не помялись. Родитель с таким нетерпением дожидался своих теплых штанов, что даже не заснул до моего прихода. Мы сейчас же распотрошили посылку и рассмотрели все присланное, и немедленно принялись за пряники. Но не успел родитель съест половины пряника, как у него разболелся зуб, и пришлось отложить пряник до сегодняшнего дня. Конечно, теперь от пряников осталось одно воспоминание. — На днях у родителя разболелись было сильно поясница и ноги; мы сделали лекарство по твоему рецепту, и маменька им терлась; раза 2 приходила Корженевская-старуха¹ и натирала нашего родителя. Теперь родителю стало настолько полегче, что сегодня уж он гулял на ярмарке. Теперь маменька употребляет новое средство по совету Подвысоцкого.² Он говорит, что года 2 назад он был болен ревматизмом, и никак не мог вылечиться ни дома, ни в Петербурге, пока один петербургский торговец не сообщил ему очень простого средства, а именно: всыпать в кипяченую воду столько соли, сколько может распуститься в этой воде, и таким насыщенным раствором обтирать каждый вечер всё тело, смочив в нем тряпочку, а потом другим полотенцем вытираться досуха. Подвысоцкий делал так в продолжение двух недель, и совершенно поправился. Когда он рассказал это нашей маменьке (он был у нас вечером в воскресенье), маменька решила немедленно последовать его совету, и с тех пор каждый вечер натирается со-

ляным раствором. Это ли средство помогло, или почему другому, только маменька начинает чувствовать себя лучше. Может быть, и оттого, что погода довольно теплая и сухая стояла эти дни, только сегодня было сыро и накрапывал дождик, да по утрам на всем ложится сырой иней. — 22 сентября мы с мамой были у Кикиных,³ посидели у них с 7 часов до 10; в тот же день пораньше часов с 4 до 7 были у нас Ахутины со своею Леночкой.⁴ Сегодня были у нас все Заякины, посидели до 10¹/₂ часов, да в воскресенье, как я уж писал, был Подвысоцкий. Вот и все наши гости. А вот наши новости: Костин был, по своему обыкновению, опасно болен, чуть не умер: у него едва не сделался плеврит, и он не ходил в классы почти целую неделю; простудился он, как говорит, в своем классе, когда там было однажды во время уроков 8¹/₂°. Теперь почти поправился, но ходит в класс еще в пальто и во время перемен постоянно сидит у исполенной печки. — Устав ссудо-сберегательной кассы только на днях отправлен в Петербург на утверждение: все переписывали да подписывали его, — недели две, кажется, прошло в том, что его рассылали участникам для подписи. — Заякины в воскресенье переехали на новую квартиру в доме Колесова, в ту самую квартиру, которую мы смотрели и в которой раньше жил Пруневский⁵ (перед тем, как мы смотрели). — Скоро в городе начнутся работы по выпрямлению реки Вытегры; шлюз будет перенесен немного выше, около жидовского кладбища будет сделан перекоп для обхода крутого загиба, Сиверсов мост будет перенесен немного пониже, к следующей улице, так что от него будет прямо дорога к собору и казначейству; а так как тот берег Вытегры в этом месте низок, то там будет сделана дамба. Около старого собора река будет немного расширена: левый берег немного сроят, чтобы фарватер был прямее. Прежде предполагалось, что русло будет прокопано между церковью и домом Ярославцевой, но теперь это предположение оставлено, потому что это стоило бы очень дорого.⁶ — Ярмарка началась, как всегда, в Покров, но товаров привезено еще очень мало;⁷ также и у Пудровой еще не привезен керосин, и родитель покупает его в других лавках. — Вот и все наши новости. — Маменька и я кланяемся тебе, целуем тебя и желаем всего хорошего. Поклонись от нас твоей сожительнице, Авдотье Порфирьевне. Просили тебе кланяться Ахутины, Заякины, Иванова⁸ (начальница прогимназии) и еще, может быть, кто-нибудь из знакомых. Пиши почаще, нам с маменькой приятно получать твои письма, и мы их всегда ждем с нетерпением.

Искренно любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Соседка Тетерниковых. См. примеч. 2 к п. 10.

² *Подвысоцкий Николай Валерианович* — учитель естествознания Вытегорской учительской семинарии. В черновых бумагах Солугуба имеется характеристика Подвысоцкого: «Прославился здесь своим враньем. Последняя ложь: выдал себя на пароходе „Волга“ за вытегорского инспектора. История с фейерверками. Вранье Ахутину о подписях. Мамонтово мясо, окостенелое, собаки съели. Как в него стреляли, когда он купался в Ангаре. Когда уезжал из Вологды, то не только многое продал за бесценок, но иное просто бросал из окошка. Мещане подбирали! А то раздарил! — История

с генеральшей Норденшильд, у которой поотобрал вещи. Жена иногда останавливает его, когда он заврется» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 114).

Негативно отзывались о нем и сослуживцы Сологуба по семинарии. А. Г. Костин сообщал Сологубу в письме от 19 января 1893 г.: «В семин<арии> нового тоже немного: прибыл только новый кавалер Подвыс<оцкий>, да дир<ектор> получил Ан<ну> 2 ст<епени>. Какое влияние произвели названные награды на этих госп<од>, Вы легко вообразите» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 917, л. 10). «А где-то находится ныне и что представляет собою наш почтеннейший враль „Ваколай Подлерьевич Невысоцкий“? Вот это был тип, достойный кисти художника в отношении изображения отрицательных сторон человека, и я думаю, Федор Кузьмич не обошел его своим вниманием в своих произведениях», — вспоминал о Подвысоцком И. И. Кикин в письме к Сологубу от 14 ноября 1909 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 326, л. 29 об.).

³ *Кикин Иван Иванович* — учитель в приготовительном классе Вытегорской учительской семинарии; после закрытия семинарии преподавал в начальном одноклассном училище, с 1897 г. — помощник заведующего винным складом в г. Вытегра, с 1900 г. — его заведующий. В бумагах Сологуба сохранилась портретная зарисовка Кикина: «Ест крендели, быстро-быстро двига челюстью; ест вообще много. — Рассказ его о первой рюмке водки. Очень понравилось; 25 лет. Вид торжественно-глупый. Говорит медлительно, клещами слова вытаскивает» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 112). Жена И. И. Кикина, Екатерина Васильевна Кикина, окончила Олонецкое женское епархиальное училище, преподавала рукоделие в Кондушском земском женском училище. Имеется запись Сологуба о ней: «Сплетница. Кричит и громко смеется. Резкий, непр<иятный> голос. Ей бы в городовые, а не мужу! Сестра ее имеет глупо-удивленный вид. У нее немного тот же отпечаток. Девочку избаловали. Жрет, как свинья или Петька Философов» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 113). Сологуб и И. И. Кикин переписывались до 1909 г. (сохранилось 9 писем И. И. Кикина к Сологубу — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 326). См. также: Федор Сологуб в Вытегре. С. 274—276, 284.

⁴ Н. И. Ахутин, его жена Александра Михайловна и старшая дочь Елена (в 1912 г. окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы в Петербурге).

⁵ *Проневский Петр Петрович* — лесничий Андомского лесничества, гласный уездного земского собрания, член уездной земской управы, член уездного училищного совета.

⁶ Имеются в виду работы по совершенствованию Мариинской системы, которые велись с 1890 г. согласно проекту, утвержденному императором Александром III. Подробнее см.: *Бл-ский Ив. Ив.* Работы по переустройству Мариинской системы в пределах Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. 10 июня, № 43. С. 451—453.

⁷ В 1891 г. Покровская ярмарка проходила в Вытегре с 1 по 16 октября.

⁸ Вера Евграфовна Иванова.

7

10 (22) октября 1891 г.

10 октября 1891 г.

Вытегра.

Милый друг Оля!

Сейчас получили мы твое письмо, и я отвечаю тотчас, чтобы опять как-нибудь не замедлить ответом. Мое последнее письмо было от 3 октября и, значит, должно было прийти к тебе 7 октября и 8-го, т. е. на другой или на третий день после того, как ты послала свое письмо. Надеюсь, что ты уже получала его своевременно. Мы оба с маменькой и живы и здоровы; маменькин ревматизм уже настолько теперь полегчал, что маменька могла вчера и

третьего дня ходить на панихиды, а сегодня на вынос... Вот наша печальная новость, которой ты, конечно, не ожидаешь: умер о. Петр Раевский.¹ Простудился где-то, поболел недолго, дней 10, но сильно: воспаление легких, — и умер в полночь с понедельника на вторник. Раиса Петровна,² конечно, сильно огорчена. Простудился он, может быть, на крестных ходах, которые были у нас по поводу того, что какой-то купец заказал для Муромского монастыря икону в дорогой оправе, точную копию какой-то чудотворной иконы Богоматери, и ее у нас встречали и провожали с торжеством.³ — Ты пишешь, что была несколько раз у Агаповых; знают ли они, что ты в Петербурге; оставила ли ты им свой адрес?⁴ — Фланель твоя маменьке понравилась; она уж сшила себе из нее, что ей было надо, и теперь носит себе на здоровье; только маменька почему-то думала, что ты ей пришлешь сшитое, так что только получи да одевай. — Напиши, сколько тебе надо денег; покупай книги и все, что понадобится, — я вышлю денег, сколько тебе будет надо, не стесняйся: нам здесь удобнее располагать свои расходы так или иначе, чем тебе. — Дела мои идут по-прежнему; теперь работаем вместе с Подвысоцким: я ему предложил писать вместе учебник для промышленных училищ, он согласился, и мы принялись за работу. Для вновь учреждаемых промышленных училищ нужны учебники, и министерство будет в течение нескольких лет выдавать ежегодно по 8 премий за лучшие учебники, представленные в ученый комитет: по 2 больших — 2000 р. каждая, и по 6 малых, каждая в 500 р. Ближайший срок представления — 25 декабря. В такое короткое время одному трудно что-нибудь сделать — всего три месяца, а вдвоем, может быть, и успеем. Конечно, если и успеем, то премию получить будет нелегко: могут найтись люди, поискуснее нас, но все-таки надеяться можно; пословица не даром говорит: не боги горшки лепят; все ж приятно получить хоть малую премию на двоих, Подвысоцкий же человек трудолюбивый и, кажется, искусный преподаватель: ученики его очень довольны его уроками, находят, что он очень понятно все излагает; к тому же ему приходилось уже писать и печатать книги, так что он привык к такого рода работе. Одним словом, это такой товарищ, с которым не страшно работать: можно на него надеяться. Мы выбрали математику для средних технических училищ, разделили ее пополам, и каждый должен написать свою часть, а потом сообщая все рассмотрим и исправим, что понадобится.⁵ — Другую работу я предложил Ахутину исполнять совместно, и он тоже согласился: составить описание нашей семинарии за все время ее существования для помещения в «Журнале Министерства Народного Просвещения».⁶ Но исполнение этой работы во многом будет зависеть от согласия начальства, т. е. нашего директора; а он очень неохотно дал позволение пользоваться делами семинарии, и то только в том, что касается цифр, статистики. — Дроздова рассказывала, что была у тебя. Она говорит, что ей понравилась квартира, расспрашивать же ее подробно было неудобно. — Надеюсь, что у тебя не выйдет никаких столкновений с твоей товаркой; неужели так скоро могла измениться она? Впрочем, в сношениях с людьми осторожность никогда не бывает излишнею; лучше слишком много осторожности и

недоверия, чем слишком много доверчивости и беспечности. В этом отношении самое лучшее никогда не обольщаться мало знакомыми людьми, чтобы потом не пришлось в них разочаровываться.⁷ — Пиши, как живешь, что поделываешь, нам с маменькой, конечно, интересно знать все, что тебя касается. — Напиши, как поступить с «Нивой» и с ее модами. Если хочешь, можно будет написать в контору, чтобы она прекратила высылку «Нивы» сюда, а присылала ее к тебе. Тогда ты получишь и премию.⁸ А нам здесь мод куда не нужно, конечно, кроме того разве, что один номер каких-то мод (не знаю даже, каких именно) взяла Анна Павловна Заякина (они все 4 были у нас 3-го окт<ября>). Пиши, сколько надо выслать денег. Я и маменька целуем тебя и желаем здоровья и всего хорошего. Пиши почаще; постараюсь писать и я тебе аккуратнее.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Раевский Петр Федорович — священник, благочинный Вытегорского собора, член губернского статистического комитета, член совета Вытегорского благотворительного общества; тесть П. И. Соколова.

² Р. П. Соколова.

³ Муромский мужской монастырь в Пудожском уезде был основан в XIV в., в 1787 г. упразднен, в 1867 г. восстановлен. Средства на восстановление монастыря дал пудожский купец, потомственный почетный гражданин Иван Иванович Малокрошечный, а на устройство — его зять, Александр Петрович Базегский, пудожский купец, гласный городской думы г. Пудож, гласный уездного земского собрания, член уездного податного присутствия, член Петрозаводского благотворительного общества. Подробнее см.: Петров К. Муромский монастырь // Олонечкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 99—117.

⁴ 1 декабря 1891 г. Ольга Кузьминична писала брату: «Я у Агаповых не была, к ним нужно непременно в пятом часу, а мне все еще было некогда сходить да и совсем неинтересно» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 73).

⁵ Работать над составлением учебников Сологуб начал еще в Крестцах. В январе 1884 г. он писал В. А. Латышеву: «Прошу Вас рассмотреть присыл<аемый> маленький учебник грам<матики> для 2 и 3 г<ода> городского уч<илища> и дать мне совет, нельзя ли что-нибудь с ним сделать. Если позволите, я пришло Вам на днях и тот задачник по арифм<етике>, о котором когда-то писал Вам. Присылаем<ый> теперь учебник я старался написать как можно короче, избегая всего лишнего и ненужного; я поместил лишь те сведения, которые должны быть твердо усвоены учениками данного возраста (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 30, л. 44). В архиве Сологуба сохранился неопубликованный учебник геометрии, работу над которым он завершил в 1890 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 520). Проект написания учебника математики совместно с Подвысоцким, по-видимому, осуществлен не был.

⁶ Данная работа, вероятно, не была исполнена.

⁷ 15 октября 1891 г. Ольга Кузьминична отвечала: «С Авдот<ьей> Порф<ирьевной> у меня ссор не было только потому, что с нею невозможно спорить, она уж очень глупа и настойчива, ругает всех <...>, никого, по ее мнению, нет честных и хороших, а все безразличные, и потом так умеет врать, так я даже и не знала, что такие вруны существуют на свете, но все-таки мне ее очень жаль: она на шестнадцатом году попала в дом терпимости, да у нее и мать-то такая же, с мужем уж давно не живет, а детей имела и теперь находится под судом. Она была (мать Авд<отьи> Пор<фирьевной>) приказницей в каком-то магазине в Москве и очень много присвоила себе вещей и денег» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 55 об.).

⁸ «Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Петербурге в 1870—1918 гг., в качестве приложения к «Ниве» ежемесячно издавались «Парижские моды», с 1891 г. — «Литературные приложения». В 1891 г. подписчикам «Нивы» в качестве премии выдавались «Полное собрание сочинений» М. Ю. Лермонтова, под редакцией А. И. Введенского (Т. 1—4. СПб., 1891) и альбом акварелей.

12 (24) декабря 1891 г.

12 декабря 1891 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое письмо мы получили сегодня. Последнее письмо я писал тебе 3 декабря; неужели оно и теперь не получено? Должно быть, ты получила его не позже воскресенья, в тот самый день, когда писала мне, или, по крайней мере, в понедельник. — Мы с маменькой радуемся твоим успехам и желаем тебе в будущем того же. — Морозы были и у нас в конце прошлой недели, и тоже доходили до 28° и даже до 31° по Реомюру;¹ но это было недолго — дня два, а в понедельник было уже 1° тепла; теперь стоят небольшие морозы. — В воскресенье вечером у нас была целая четверка гостей: были Соколовы, Ахутины и Кикины; 28 ноября были Нечаевы-супруги,² а 27-го — Заякины-супруги. Анна Павловна с матерью не были у нас с 3 октября, потому, конечно, что мы с маменькой у них с тех пор не были. Вообще живем в мире со всеми. На днях приезжал в Вытегру новый директор народных училищ, Мартынов,³ тот самый, который был раньше в Белозерске и которого заменил П. И. Дворянский. Я его не видел, хоть он и заходил в нашу школу на пробный урок семинариста, по приглашению директора (нашего). Говорят, что Мартынов понравился многим своей любезностью и оживленностью; держит себя вовсе не так, как наш дурак Маккавеев; зато он и не понравился Маккавееву: наш Митрофан нашел, что Мартынов не умеет себя держать.⁴ Митрофану тем более досадно, что разница, должно быть, сильно бросается в глаза, и не нравится ему то, что при нем, в глаза ему, хвалят Март<ынова>; напр<имер>, начальница прогимназии хвалила Маккавееву Мартынова за то, что тот очень любезен. Говорят, что в городском училище Март<ынов> остался очень доволен о. Стефаном⁵ и Заякиным, и выразил намерение представить их к наградам. — Оказывается, что извозчики до мясоеда не поедут, т. е. те, которых мы имели в виду, потому что они опоздали. — Не потому ли ты не получила до воскресенья моего письма, что оно было адресовано в Родов<спомогательное> заведение? Может быть, оно там залежалось. — У нас живет еще Катерина; скоро выйдет из тюрьмы ее муж и, может быть, получит здесь место: кто-то ей обещал; если они здесь останутся, то и она у нас останется. — Поклонись от нас Авд<отье> Порфирьевне. — Новостей у нас никаких: все по-старому идет. Знакомые наши тебе кланяются. Кланяемся тебе и мы с маменькой и желаем тебе всего хорошего. — Ахутин получил письмо от С<ент>-Илера,⁶ который пишет ему, что к нам скоро будет ревизия для расследования способа управления Маккавеева; пишет, что на него плохо смотрят в Петербурге.⁷

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Реомюр (*Réaumur*) Рене (1683—1757) — французский ученый, изобретатель спиртового термометра (1730).

² Нечаев Павел Тимофеевич — учитель пения Вытегорской учительской семинарии, гласный городской думы, член учетного комитета при Вытегорском городском общественном банке, начальник отряда лазальщиков Вытегорского вольного пожарного общества и его жена Нечаева Вера Сергеевна. Супруги Нечаевы явились прототипом Владимира Ивановича и Анны Григорьевны Рубоносых в рассказе «Червяк», что было сразу отмечено бывшими сослуживцами Сологуба. Например, П. И. Соколов писал Сологубу 7 августа 1896 г.: «С удовольствием прочитал Вашего „Червяка“. Нашел в нем несколько знакомых лиц. <...> Как педагогический рассказец, „Червяк“ очень мил. Кстати, у некоторых героев „Червяка“ я был в гостях. Рубонос, сиречь П<авел> Т<имофеевич> Н<ечаев>, живет теперь как настоящий помещик. Дом его благоустроен, служб целая масса, огород большой, возделанный. Н<ечаев> за городом арендует участок земли и возделывает его. Держит лошадь и очень доволен, что может кататься на своем коне. Меня принял очень радушно, хотя мы, пред моим отъездом в Порхов на службу три года тому назад, разошлись с ним. Теперь он сам звал меня к себе. По внешности чета Н<ечаев>ых несколько не изменилась» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 933, л. 16 об.—17). Подобные отзывы о «Червяке» дали И. И. Кикин и А. В. Дурново (см.: Федор Сологуб в Вытегре. С. 286).

³ Мартышов Дмитрий Павлович — директор народных училищ Олонецкой губернии с 23 августа 1891 г.

⁴ С директором семинарии М. Е. Маккавеевым у Сологуба неоднократно происходили конфликты (подробнее см.: Федор Сологуб в Вытегре. С. 281—282); он часто становился объектом сатирических зарисовок Сологуба, например, датированной 4 марта 1891 г.:

Когда по классам бурная
Возня везде кипит,
Обязанность дежурная
В учительской сидит.
Беседы (неприличные
По времени) ведет,
На шохоры различные
Вниманья не берет.
Один директор бдительный
Ведет себя не так:
Он с миной повелительной
И спит, надевши фрак.
В минуты рекреации,
Забравшись в кабинет,
Тоскует он, что грации
В ребятах наших нет.
Лишь шохор возникающий
Услышит у детей, —
Свой палец угрожающий
Он кажет из дверей.

(РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 10, л. 45 об.; «дежурная обязанность», «шохор» — характерные слова и выражения Маккавеева, упоминаемые в записи Сологуба «Особые словечки», см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 310).

Маккавеев был непопулярен в учительской среде. Например, И. И. Кикин писал Сологубу 9 марта 1893 г.: «Уж очень тошно приходится служить у г. М<аккавеева> <...> Надежды наши на благоприятный исход нашей борьбы с ним тоже улетучились, когда мы узнали о благоволении к нему высшего начальства: Вы ведь, конечно, уж давно знаете, что он награжден орденом Св. Анны 2-й ст<епени> <...> А слышали ли Вы — как отделали нашего М<аккавеева> во вторник на масля<ной> неделе. В этот день в нашем так называемом Благородн<ом> клубе был маскарад. Масок было только две, и обе очень интересные. Одна из них изображала мудреца-педагога (так она и заявляла о себе) Сократа Митрофановича в виц-мундире, в котелке, на котором был утвержден башмак...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 326, л. 8 об.—10).

⁵ Имеется в виду *Стефан Михайлович Муравьев* — законоучитель Вытегорского двухклассного городского училища, священник Вытегорского Воскресенского собора.

⁶ *Сент-Илер Карл Карлович* (1834—1901) — педагог, зоолог, автор работ по физиологии растений, директор Учительского института. В бумагах Сологуба сохранилась портретная характеристика Сент-Илера: «Поседел, но бодр, сановит, важен и очень добродушен. Любит тонкую, то есть незаметную лесть, такую, про которую нельзя сказать: „льстит“, а можно сказать: „воздаст должное“. Кажется, похож не столько на француза, сколько на обрусевшего немца, немножко даже на колбасника смахивает. „Вот уж это у нас не полагается!“» (*Сологуб Ф.* Канва к биографии. С. 258).

Сент-Илер оказывал Сологубу помощь и поддержку: выхлопотал для него перевод в Великие Луки, предложил место учителя приготовительного класса Вытегорской учительской семинарии (см. письма К. К. Сент-Илера Ф. К. Тетерникову за 1882—1892 гг. — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 915).

⁷ Несколько позже, 4 января 1892 г. В. А. Латышев писал Сологубу: «О спорах и невзгодах Ваших я уже слышал. Окружное начальство о них также знает и не очень высокого мнения о действиях Вашего противника. Я думаю, ему это известно и это сдерживает его» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 44).

9

15—18 (27—30) декабря 1891 г.¹

<...>² Привлекает публику и то, что на каждый билет дается от 1 до 6 контрмарок для розыгрыша лотереи (смотря по стоимости билета) и разыгрывается каждый раз по несколько вещей. Так Смоленский выиграл самовар, а в воскресенье разыгрывалась корова. — В четверг открывается продажа билетов лотереи в пользу голодающих, о которой ты, может быть, слышала уже.³ Можно купить целый билет в 5 р., можно купить и один купон в 1 р.; на целый билет может пасть выигрыш от 250 р. до 100 000 р., а владелец купона, при выигрыше, получит пятую часть. Значит, можно даже и с рублем участвовать, хоть выиграть и очень трудно: из 1 200 000 бил<етов> только 208 выигрышей. Если есть лишние, то можно рискнуть, хоть я и боюсь, не мало ли тебе денег.⁴ Если мало, так ты пиши; нам здесь удобнее устраивать свои дела, чем тебе там. — Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе всяких успехов и благополучия, и, главное, успехов в твоих занятиях. Мы уж собираемся и рассуждаем о поездке летом в Петербург. Кланяются тебе все здешние. — Передай поклон Авд<отье> Порф<ирьевне> (вы все еще вместе живете?). — Будем теперь в четверг опять ждать твоего письма. — Будь здорова.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Датируется по содержанию.

² Начало письма отсутствует.

³ 18 ноября 1891 г. император Александр III одобрил Положение о благотворительной лотерее в пользу нуждающегося населения в местностях, пострадавших от неурожая. Было выпущено 1 200 000 билетов, число выигрышей составляло 2928 на общую сумму 1 200 000 рублей. Продажа лотерейных билетов в Петербурге началась 14 декабря 1891 г.

⁴ Тема «лотереи» нашла отражение в поэме Сологуба «Кремлев» (см.: *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1979. С. 138).

21 декабря 1891 г. (2 января 1892 г.)

21 декабря 1891 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Посылаю в этом письме деньги, раньше не успел; жаль, что ты получишь их поздно. Последнее письмо твое получили 16 декабря; купленный тобою билет ты, должно быть, уже получила, потому что продажа их началась с 14 декабря; но напрасно ты думаешь присылать его сюда, оставь лучше у себя. Не разорилась ли ты при покупке билета? Ведь очень мало надежды выиграть: один выигрыш на 400 с лишком билетов. Мы с маменькой совершенно здоровы, чего и тебе желаем. Сегодня у нас окончились занятия; было только 2 урока. Вчера был совет, и продолжался только 2½ часа; первый раз здесь такое короткое заседание совета; это потому, что директор куда-то торопился. Теперь у нас стоят небольшие морозы. Наши нежные сослуживцы от этого страдают: то Ахутины нездоровы, то Костин, — все от простуды. — Ты получишь это письмо не раньше Рождества. Поздравляем тебя я и маменька с праздником и желаем тебе провести его весело. На нашем дворе большие перемены. Квартиру, где прежде жили Подкопаевы,¹ снял хозяин здешнего пивоваренного завода вместе с нижним этажом, так что Корженевским² приходится переезжать. Из их квартиры сделают что-то вроде трактира или гостиницы для приезжающих. Корженевские переедут в дом Николаевской,³ а Николаевская переберется в тот флигель, где живут Воскресенские,⁴ а Воскресенские хотели переехать в квартиру инженера Могучего⁵ для того, чтобы сторожить ее, да домохозяин их не пускает: квартира только что отделана, а они, мол, ее испачкают. — Юлия Викт<оровна> Воскресенская просит передать тебе поклон. Поклонись от нас Авд<отье> Порфирьевне. Наша Катерина живет у нас, кажется, только до 30. Если ее муж не найдет здесь места, то они уедут домой. Пиши, не надо ли тебе денег еще: после первого января можно будет выслать. У нас чуть было не вышло замедления в получении моего жалованья. Внесло земство только в самое последнее время, так что теперь есть деньги и на квартирные. — Желаем здоровья и успехов.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

На полях. Мы с маменькой все не можем найти более подходящей квартиры.

¹ Семья Николая Федоровича Подкопаева — акцизного надзирателя Вытегорского участка, секретаря Вытегорского благотворительного общества.

² Семья Апполиария Корженевского, бывшего станового пристава в Вытегорском уезде: его сын, Валентин Апполиариевич Корженевский, занимал должность помощника секретаря съезда мировых судей.

³ *Николаевская Александра Филипповна* — учительница в Палтожском женском училище, позднее преподавала в женской прогимназии.

⁴ Возможно, речь идет о семье священника *Михаила Ивановича Воскресенского*, законоучителя в одном из сельских земских училищ Вытегорского уезда.

⁵ *Могучий Александр Станиславович* — инженер, директор уездного отделения тюремного комитета, впоследствии помощник начальника Вытегорского округа путей сообщения.

11

25 декабря 1891 г. (6 января 1892 г.)

25 декабря 1891 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твою посылку я получил в субботу 21 декабря, как раз в тот самый день, когда отправлял тебе письмо с деньгами. Мы с маменькой очень благодарны тебе за посылку; только зачем ты так разорялась, лучше бы себе приобрела что-нибудь. Пряники и коврижку мы с маменькой уничтожили прежде всего, в тот же день; вчера докончили халву, остальное еще сохраняется. Икра съехала в коробке на один бок, но коробка не открылась, так что все до-ехало благополучно, только одна тянучка сплюснулась. Маменька благодарит тебе за платок, я — за галстук, календарь, перья (перья у меня еще оставались от прежней посылки). Напрасно только ты вложила письмо в посылку: это очень рискованно. Если в почтовой конторе как-нибудь откроется вложение письма, то посылку конфискуют: воспрещается пересылать письма иначе, как оплаченными марками. Таким образом мог бы пропасть и лотерейный билет; такие билеты надо посылать в ценных или в денежных пакетах. Тем более было опасно, что твой ящик был непрочен, и мы уж получили его сломанным; могло бы случиться, что ящик или его оболочка на пути так попортились бы, что пришлось бы посылку заделывать вновь, и тогда могли бы найти письмо. Да и самый билет ты бы могла у себя оставить: ведь ты его купила на деньги, которые тебе следовало бы издержать на себя, стало быть, он твой. Впрочем, все равно выиграть очень трудно: на миллион с лишком (1 200 000) билетов выигрышей только 2998, т. е. 1 выигрыш на 410 билетов. Наш билет вот какие номера имеет: Серия 08927, № 052 (нули ставятся на билетах спереди во избежание подделок, чтобы некуда было поставить лишнюю цифру и из 52 сделать, напр<имер>, 152). Розыгрыш не позднее 1 февраля, но когда именно, не назначено еще. — В субботу вечером были у нас Заякины (муж и жена). — Сейчас был у нас с крестом новый священник; приехал только вчера; 1½ месяца прожил в Петрозаводске, потому что архиерей, посвятив его в дьяконы, захворал; поставлен в священники только в последнее воскресенье. — Мы с маменькой поздравляем тебя с благополучным экзаменом, и желаем всяких успехов и в будущем. — Если увидишь еще кого-нибудь из родственников наших,

поклонись им от нас с маменькой. Последнее письмо, где ты пишешь о наших дв<оюродных> братьях,¹ получили вчера. Еще раз спасибо за посылку; она доехала очень хорошо; хоть ящик и раскололся, но это ничему не повредило, и кофе и чай ничем не пахнут. Получила ли деньги? Не надо ли еще? после Нового Года можно будет прислать. — Поздравляем с наступающим Новым Годом, желаем счастья.

Любящий брат
Федор Тетерников.

На полях. Получил билет на елку в городском уч<илище>, 30 декабря, и опять в мое дежурство!

¹ Имеются в виду родственники О. К. и Ф. К. Тетерниковых со стороны матери. 21 декабря 1891 г. Ольга Кузьминична сообщала: «<...> у меня был в гостях Дмитрий, муж тетки; кланяется тебе и маменьке от себя и от всего своего семейства. Рассказывал мне про своих сыновей, у них у всех жены очень худые. Василий с женою даже хлопотали развод, и теперь жена его живет у своих родных, у Ивана жена водку пьет и еще что-то за ней есть, уж я и не поняла; жена Гаврилы уговорила его отделиться и перейти к своему отцу, и перешли, у всех у них есть дети, а Николай только у отца живет и то теперь в Петербурге на Сенной торгует у кого-то, и все они пьют водку; в тот день, когда у меня был Дмитрий, так он пришел прямо из Окружного суда; судили Ивана и Николая и еще там кого-то, я их не знаю, за драку: пьяные передрались в трактире и буфетчику пробили голову, их за это приговорили на три дня сидеть где-то; и Николая хотят женить, да он очень разборчив, все ему новости не нравятся; Гаврила живет в Петербурге, он резчик, зарабатывает 60 руб<лей> в месяц да все пропивает, жена его живет тут на месте в горничных, кажется, а дочка у ее отца; тетка здорова; летом приглашают приехать к ним в гости...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 81—82). По-видимому, впоследствии отношения с родственниками Сологуб не поддерживал. Тетка, Мария Семеновна Филатова, писала ему после смерти Ольги Кузьминичны: «Христос воскрес, дорогой племянник. Письмо от малого к великому, от забытых родственников. Между меня и вас стоит огромная пропасть, которая создалась теченьем жизни, вы труженик, который своим трудом победил все худшее для человека и его жизни, звезда ваша на высоте своего величия. Вами пройденный путь тяжелый, по вас господь за то и вознаградил, живете очень недурно. Но тут я вижу большую ошибку. <...> Вы забыли, что было 35 лет назад, кто вы были и от кого произошли: при таком великом счастье забывать несчастных — это с вашей стороны большая ошибка, какая и нам, непрощенным непростительна, а как вы, светило народное, и такие грубые и непростительные ошибки себе допускаете и не оглянетесь обратно на пройденное вами. Забыть себя — за это осудят все мыслящие на земле. Забыть своих близких сродственников, которые об вас Бога молят <...>. Быть может, молитвами нашими послал господь и вам счастье, а вы мне, старухе, в несколько лет не то что от своих избытков послать бы в виде дара какой-нибудь рубль, а то и простого письма не пишете несколько уже лет: да и ведь это слыше жестокости. Похоронили мою дорогую племянницу Ольгу Кузьминичну и об этом не известили! Значит, забыли, что у вас есть дух человека. Я, убитая горем и наказанная за свои грехи от Бога и в преклонных летах работаю, то что моему возрасту уже не подходящий труд, иному, что я работаю, и молодому трудно, а мне приходится со всем смиряться и за все Бога благодарить, а вы так наделены от Бога счастьем и забыли близких. Как я узнала, что похоронена Оля, так и посейчас не могу прийти в себя, до того тронута соболезнованьем и вашей жестокостью: никого вы из нас не пригласили воздать должную почесть праху усопшей <...>. Крайне обидно еще и на то, что через несколько лет к вам пришел Иван Дмитриев и вы не вышли и взглянуть, до чего ты озверел! Ушел от истинного пути и стал на путь гордыни, а гордость — мать пороков. Помни, что все высокое от Бога, а низкое и худое от сатаны, поберегись, не заблуждайся, дай Бог тебе всего лучшего в жизни, жду от вас письма, в котором напишите, когда умерла Оля» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 704).

4 (16) января 1892 г.

4 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Как-то ты встретила Новый Год? Мы его встречали дома, одни с маменькой, и вспоминали про тебя. Теперь ты должно быть уж получила мое письмо от 25 декабря, а это не знаю, куда тебе и адресовать: ты писала, что ко второму переменишь квартиру, а адреса-то у меня пока нет; направлю это письмо в Заведение. Из посылок твоих некоторые еще сохраняются: икра; сардинки еще не откупорены. Платок родителю очень понравился, и он тебя благодарит за платок. — На днях отправились из Вытегры в Петербург извозчики; маменька не дала им твоего адреса, хоть он и был приготовлен, потому что не нашла, а меня тогда дома не было. Извозчик говорит, что ты можешь их застать 10 или 11 или 12 января, всего вернее 11-го, где-то в Перекупном переулке; он говорит, что ты знаешь адрес. Маменька просит тебя прислать ей с этим извозчиком валенки с коротенькими голенищами (полуваленки): здесь она не могла нигде их найти, все только с высокими голенищами, а ей надо с короткими; она говорит, что это не дороже 1 рубля. — Пиши, надо ли тебе денег до 20 янв<аря>, и сколько: можно будет прислать. — Мы с маменькой поздравляем тебя с удачным началом приемок. Как ты проводила праздники? — Мы с маменькой были 26 дек<абря> на елке у Заякиных, 27 и 29-го вечером у Ахутиных, 1 янв<аря> вечером у Соколовых. — У нас были 31 декабря Заякины, Мих<аил> Павл<ович> и Мар<ья> Матв<еевна>: пришли часов в 5, ушли в 8 —встречать Нов<ый> Год у своих; 2 янв<аря> были Ахутины. В клубах нынешние святки я не бывал. На праздниках пришлось дежурить 30 дек<абря>. В тот же вечер была елка в город<ском> уч<илище>. Я был на ней с начала (в 7 ч. вечера) до 9 часов. Было так же много народа, как и в прошлом году, и все было так же мило, как и тогда. — В Новый Год у дир<ектора> с визитами были только Копытов, Подвысоцкий и Кикин; Костин уехал на святки домой, остальные не пошли к директору. 2-го янв<аря> был бал у дир<ектора>, куда был приглашен Копытов, но не пошел, а Кикина и не приглашали. Я, само собой разумеется, визита не делал. — Погода у нас пасмурная, идет снег, небольшой ветер, мороз до 12°. — Заякины все ссорятся с Цветковыми! сначала поссорились г-жи, а на елке и Заякин с Цветковым из-за чего-то. — До свиданья! Будь здорова, пиши почаще. Желаю в новом году успехов и счастья, и самого крупного выигрыша. Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду семья *Зосимы Васильевича Цветкова*, заведующего Вытегорским двухклассным городским училищем.

13

11 (23) января 1892 г.

11 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сегодня мы получили твои 2 письма, одно от 6, другое от 8 января; а в четверг получили письмо, написанное 4 января. С нетерпением ждем твоего следующего письма и очень беспокоимся о твоих неудачах с квартирою. Удобно ли ты устроилась теперь? Пожалуйста, не скупись слишком на деньги; если понадобится, можно будет прислать, сколько тебе нужно. В последнем письме ты ничего не пишешь о деньгах, а может быть с переездами они тебе нужны. Ответа на это мое письмо ты не можешь, конечно, прислать очень скоро; твой ответ я получу к 20-му, — а ты напиши, сколько тебе нужно будет выслать денег. — Я писал тебе 4 января в Родовспомогательное Заведение; должно быть, ты уже получила это письмо. Там я писал о том, что извозчики отправились в Петербург, и что их можно застать 10, 11 и 12 января где-то в Перекупном переулке. Они должны были привезти тебе фунта 1½ масла; деньги будут уплачены здесь. — Маменька благодарит тебя за поздравление с ангелом. Денежное письмо не лучше ли адресовать в Родовспомогательное > Зав<едение>, — напиши об этом. — У нас стоят сильные морозы: вчера было 27°, сегодня 20°, а теперь к вечеру опять мороз усиливается. Как-то в Петербурге, стоят ли морозы? — Новостей у нас не много: умер Брандтовский управлявший Крылов¹ 7 января; говорят, что его падчерица сильно проигралась на вечере у Маккавеева 2 января, и его в ту же ночь хватил паралич, а потом он и помер. Хоронили в четверг. — Корженевские переехали на квартиру к Николаевским, и теперь у нас на дворе пока пусто. Хотим и мы переехать; кажется, есть квартира на Пудожском тракте, не доходя до город<ского> училища. — В Петербурге поднят вопрос о закрытии нашей семинарии; говорят, что не нужна. Впрочем, есть противники закрытия в министерстве; вернее, что оставят.² Но мне все равно, пожалуй: год будут выдавать заштатное жалованье — 900 руб., потом выдадут 650 р. (пособие за 10-ти летнюю службу), а в это время можно будет пристроиться куда-нибудь. — Впрочем, теперь, поживши в Пет<ербурге>, ты можешь лучше сообразить: не будет ли удобнее перевестись мне в Пет<ербург> в гор<одское> уч<илище>, с казенной квартирой, конечно. Я бы перевелся с удовольствием.³ — Будь здорова, пиши скорее. Маменька кланяется и целует тебя, я — тоже.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду управляющий лесопильного завода, принадлежавшего торговому дому «Брандт Э. Г. и К^о», возможно, *Филипп Варламович Крылов*.

² 4 января В. А. Латышев писал Сологубу: «Но стоит на очереди другой вопрос, о котором Вы, по-видимому, еще не слышали: нужна ли Уч<ительская> сем<инария> в Вытегре, не стоит ли ее закрыть. Вопрос идет свыше, есть там же и противники закрытия. По этому поводу был послан запрос к директору сем<инарии>: сколько оканчивает курс, находят ли места. О значении вопроса К. К. С<ент>-Ил<ер> предупреждал директора через Н. И. Ах<утина>. Не знаю, что отвечал М<аккавеев>» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 44).

³ Намерение переселиться в столицу Сологуб высказывал и ранее. 17 июня 1890 г. он писал В. А. Латышеву: «<...> работать стихами и прозой (чем я также занимаюсь) можно только при условии возможно большего общения с людьми и их общественными интересами, — я был поставлен вне такого общения. Обвинять в этом одну провинциальную жизнь несправедливо, потому что она все-таки жизнь. Скорее виноваты некоторые качества моей натуры, заставляющие меня чувствовать себя неловко под всеобщим вниманием, которым жители уездного городка дарят каждого, чтобы сплетнями о нем наполнить пустоту своей жизни. Люди, в кругу которых я вращался и которые не могли остаться без влияния на меня, были слишком погружены в мелочные интересы и до того пропитаны провинциальной одно-сторонностью и неподвижностью, что я мало выиграл в своем развитии от общения с ними. Газеты, журналы и книги не могли заменить живых людей, — да и средства мои были очень ограничены, а получать книги в провинции дешевым способом почти невозможно. Бросить занятия стихами и прозой мне не хочется и не захочется долго, хотя бы я так и остался неудачником в этой области, во мне живет какая-то странная самоуверенность, мне все кажется, что авось и выйдет что-нибудь дельное. Поэтому все чаще и чаще мечтаю о жизни, хотя бы на короткое время, т. е. на несколько лет, в Петербурге» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 30, л. 23 об.—24 об.).

14

19 января (31 января) 1892 г.

19 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Мы получили твое письмо с рассказом о твоих переездах 13-го января; надеемся, что ты теперь устроилась и живешь благополучно. Получила ли ты письмо, посланное 11 января? Не знаю, как лучше послать тебе письмо с деньгами: на квартиру или в заведение; где оно дойдет скорее? В прошлом письме я просил тебя написать мне об этом; жду теперь, не будет ли от тебя письма завтра. — У нас на прошлой неделе были сильные морозы, доходило до 30° Реомюра; в пятницу было -24° R, но сильный ветер, но вчера сделалось гораздо теплее; зато в 2 последние дня была сильная вьюга, намело много снегу. Маменька простудила себе горло; теперь поправляется. Катерина ушла от нас 30 дек<абря>, теперь вместо нее Анна какая-то, ужасно глупая. На именинах у маменьки была только Юлия Воскресенская, да часа в 4 пришли Заякины, Мих<аил> Павл<ович> и Мар<ья> Матв<еевна>, сидели часов до 7, а потом пошли домой, потому что ждали к себе своих. Пошли и мы с маменькой вместе с ними, и сидели там до 11-ти часов. — К нам в семинарию ждут ревизора из Петербурга, да что-то не едет пока. Во время морозов и в классах и в общежитии было очень холодно. В классах верхнего этажа (2 и 3) было

иногда до 5° тепла; в нижнем этаже было теплее; самый теплый класс — приготовит<ельный>, — он не выходит на угол и потому его меньше продувает. В общежитии же было до 0 и даже немного ниже, так что замерзали чернила; и это несмотря на то, что топили хорошо и раза по 2 в день: на этот раз и дир<ектор> не жалел дров, — и все же нельзя было натопить достаточно, — так скверно построен дом. В нашей квартире не было так холодно, хоть топили не больше раза в день. Как-то у вас в Питере? Говорят, тоже были сильные морозы. Как идут твои занятия? Мы с маменькой желаем тебе наилучшего успеха в твоих делах. Починили ли твои часы, и ходят ли они теперь? — Розыгрыш благотворительной лотереи произойдет, кажется, не раньше конца января; говорят, что будет сделан второй выпуск лотерейных билетов, на ту же сумму и с теми же выигрышами; первый выпуск весь разошелся в столице и в больших городах и не дошел до окраины государства. Но 2-й выпуск, говорят, будет и последним. — Здешние знакомые кланяются тебе. Пиши почаще, как живешь, как твои дела. Напрасно ты все сидишь дома, не ходишь в гости, когда зовут твои подруги; отчего ж иногда и не развлечься. Маменька и я кланяемся тебе и целуем тебя. Будь здорова.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

15

20 января (1 февраля) 1892 г.

20 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

В этом письме досылаю тебе деньги; пишу его вечером, отправлю завтра, сегодня не успел, да и ждал твоего письма, которое пришло только сегодня. Но ты не написала, куда лучше адресовать тебе денежное письмо, так я отправлю его, как прежде, тебе на квартиру. Я писал тебе вчера, 19 января. Нового с тех пор, конечно, ничего не случилось. Погода у нас теперь хорошая, ясная, мороз небольшой. У маменьки горло больше не болит, так что она сегодня уж ходила к Пудровой и к Лейманову.¹ Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе успехов и здоровья. Починили ли тебе часы? Как поживаешь? Пиши чаще.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду магазин купца *Матвея Андреевича Лейманова*.

27 января (8 февраля) 1892 г.

27 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сегодня мы получили твое письмо от 23 января. Денежное письмо я отправил тебе 21 января, во вторник, и адресовал его тебе на квартиру; теперь ты, должно быть, уж получила его. Твою посылку мы еще не получили; должно быть, на днях получим; извозчик этот еще не приехал. — У Раисы Петровны родился сын, в ночь с 19 на 20 января; назвали Петром; крестным отцом — Матвеев,¹ а крестной — мат^{<ерью>} — опять Евгения Ивановна.² Скоро ожидают того же Дроздова и Ахутина. — Ахутины были у нас вчера, а супруги Заякнины третьего дня. Твоя икра у нас еще цела, а сардинки твои вчера кончили. У нас на дворе с 1 февраля откроется портерная Басендовского, здешнего пивовара; теперь уже прорублена дверь на улицу. — Вчера у нас случилась покража: пришла наниматься какая-то крестьянская девица, да и украла из кухни булку. Маменька заметила это, когда та уж ушла. — Погода теперь у нас стоит довольно теплая, т. е. нет больших морозов, хотя и оттепели тоже нет. — Сегодня маменька была у Раисы Петровны; и она, и сын здоровы. — Как твое горло, поправилось ли? Маменькино горло теперь не болит. — Фельдшера Васильева я здесь не знаю; может быть, живет в уезде, а может быть, и в городе, да я ведь здесь не со всем городом знаком; во всяком случае едва ли он здесь очень знаменит. — Доктор Шлегель³ переведен отсюда в Повенец; на его место приехал новый; впрочем, это уж давно было. — А больше, кажется, и нет никаких новостей; все идет по-старому: Ахутин помаленьку грызется с директором, да мечтает о переводе, о том же мечтает и о. Павел Иванович. Вот разве только то новое, что Дроздов примирился с директором: сначала толковал о том, что не знает, подавать ли директору руку или нет, а теперь опять в дружбе: на днях был у дир^{<ектора>} и сидел там до 4-го часа утра, вместе с Подвысоцкими. Впрочем, этого и надо было ждать. Да и Оттилия Робертовна постоянно твердит, что как бы то ни было, а остальное время до пенсии надо прослужить. А все ж таки дир^{<ектор>} злобствует на Др^{<оздова>}, как и на Ахутина, зачем мало работают. Впрочем, говорит он, теперь им и работать не надо: Подвысоцкий так поставил 2 класс, где он состоит классным наставником, что воспитанники остальных классов сами подражают ученикам 2-го класса. — Хотят устроить на масленице вечер, да воспитанникам не слишком это нравится: боятся, что опять им придется быть где-нибудь на заднем плане, и ничего почти не слышать, а трудиться для посторонней публики. — Маменька и я целуем тебя и желаем здоровья и счастья. Пиши чаще.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Вероятно, *Петр Андреевич Матвеев* — гласный городской думы.

² Е. И. Соколова, сестра П. И. Соколова.

³ *Шлегель Михаил Алексеевич* — уездный врач, врач при Вытегорском двухклассном городском училище.

17

5 (17) февраля 1892 г.

5 февраля 1892 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Мы получили твою посылку в прошлый понедельник, т. е. в тот день, когда я отправил тебе последнее письмо; письмо отправлено утром, а посылку принесли днем. Мы с маменькой очень тебе благодарны за посылку. Валенки оказались впору, только сверху пришлось немного разрезать, иначе не входили. Вся посылка пришла в исправном виде, только яблоки перемерзли, так что стучали об стол, как камешки. Остальное все было в очень хорошем виде. Извозчик ехал очень долго потому, что в одном месте ему пришлось стоять двое суток. — Кусочек твоей коврижки маменька хотела было снести к Марье Матвеевне, да не успела: коврижка была съедена раньше. — У нас стояли на той неделе и на этой опять большие морозы; вчера было 23° по Реомюру. По городу ходят нелепые слухи, что в пятницу (7 февраля) и в субботу будет мороз в 70°, и что это будто бы предсказал о. Иоанн Кронштадтский.¹ — В понедельник мы с маменькой были на именинах у Анны Павловны Заякиной. Кроме нас да Заякиных никого и не было; а вчера, во вторник, мы были у Нечаевых, — давно уж у них не бывали. — На будущей неделе в четверг у нас будет ученический вечер. — С 1 февраля начался розыгрыш лотереи, на наш билет крупных выигрышей, кажется, не досталось: здесь на телеграфе известны уже номера главных выигрышей, а завтра прочтем в газетах. Ну, да ведь и ждать было трудно; но, может быть, выпадет хоть маленький выигрыш. — Не думай, что нам остается мало денег; у нас на все прекрасно хватает, и долгов совсем нет; даже на книжку берем только у Пудровой, а мясо давно уже покупаем на деньги, потому что у Носеля Крана невыгодно брать; да и Пудровой уплату по книжке не затягиваем, так что наши-то дела хороши, а вот тебе потруднее обходиться. Поэтому, если понадобится, то, без всякого стеснения для нас, можно будет присылать и больше, — и ты не стесняйся, не экономничай слишком, а пиши, если тебе понадобится больше денег. — Тебе кланяются Нечаевы, Заякины и другие здешние знакомые. Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе всяких успехов и здоровья. Пиши, как поживаешь, как твои дела.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.²

¹ *О. Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич; 1829—1908)* — протоирей, проповедник, духовный писатель, настоятель Андреевского собора в Кронштадте; канонизирован православной церковью (1989).

² На полях зачеркнуто: «Третьего дня была мне крепкая дерка, маменька дала мне сотню ударов розгами; я так кричал и ревел, что охрип».

18

13 (25) февраля 1892 г.

13 февраля 1892 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Извини, что долго не писал тебе: последнее письмо отправил 5 февраля, — все некогда было. Твое последнее письмо получено 8 февраля. — Это письмо придет к тебе уже в конце масляной недели; а у нас праздничная масленица началась только сегодня: сегодня уроков уже не было, а утром происходила репетиция завтрашнего вечера. Погода у нас стоит довольно теплая, начиная с воскресенья. В воскресенье солнце светило так сильно, что снег таял на солнечной стороне и капало с крыш. — Во вторник мы с маменькой были на блинах у Юнкеров.¹ Накануне, т. е. в понедельник, Юнкер с женой были у нас с визитом и звали на блины. Были, кроме нас, еще Ахутины да Костин. В воскресенье я был на блинах у Ахутина. — В пятницу на прошлой неделе директор выразил мне свое сожаление о том, что мои ученики не приготавливаются к вечеру и что я не забочусь нисколько об этом (а мне об вечере даже и не было сообщено директором). По этому поводу у меня с директором произошло довольно долгое объяснение, причем мы с ним основательно посчитались. Зашла речь и об визитах, о том, что он у меня ни разу не бывал. Он сказал мне, что я, конечно, имел право рассчитывать на его ответный визит, но что это произошло совершенно помимо его желания: он, мол, собирался ко мне в ближайшее же воскресенье, но был нездоров все это время, откладывал с воскресенья до воскресенья, и так не мог собраться; а между тем пришла Пасха, ему визитов не сделал никто, и он решил, что теперь его визиты запоздали. «Вы, — говорит директор, — всегда можете восстановить отношения, какие угодно; не мне же идти к вам навстречу». Но я указал ему, что его отношения к учителям вообще пренебрежительны. Объяснялись мы с ним долго, часа 2, и кончили ничем. Я согласился указать своим ученикам материал для чтения, но этим и ограничился, а показывать им, как надо читать, не стал; поэтому, едва ли они успеют приготвиться. — Говорят, что здесь выиграли 10 тысяч братья Пановы,² которые взяли билет вместе с своими какими-то родственниками, по купону на каждого, так что каждому пришлось по 2 тысячи. Открыта с 10 февраля продажа 2-го выпуска билетов. У нас неко-

торые уже записались в казначействе. — Кланяемся тебе я и маменька, целуем и желаем здоровья и всего хорошего.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Речь идет о семье *Константина Николаевича Юнкера*, лесничего Вытегорско-го лесничества.

² *Панов Гавриил Александрович*, гласный Вытегорской городской думы, член уездного податного присутствия, и *Панов Николай Александрович*, гласный городской думы.

19

21 февраля (4 марта) 1892 г.

21 февраля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твою посылку я получил с почты в воскресенье 16-го, а письмо в понедельник. За поздравления и пожелания очень тебе благодарен. Маменька очень тебя благодарит за платье и за платок. Только ведь тебе пришлось очень много издержаться на все это, — платок очень хороший и недешево стоит. Напрасно ты посылала в посылке письмо: все равно, отдельное письмо пришло как раз к сроку, а отправлять письма в посылках воспрещается, и всю посылку могли бы конфисковать, если б как-нибудь обнаружили письмо. — Маменька будет говеть на второй неделе. — На прошлой неделе у нас было довольно тепло, теперь стоят сильные морозы. Дни бывают ясные, солнечные, и в полдень, несмотря на мороз, на солнце очень сильно пригревает. Как-то ты справилась с своим зубом? Неприятно, что он у тебя разболелся именно на масленице. — Уроки на масленице кончились у нас в четверг, и я в этот день совсем нечаянно попал на блины к господам Заякиным. В пятницу мы с маменькой были на блинах у Марьи Матвеевны. В этот же день был у нас в семинарии литературный вечер. Было много гостей, были и старшие ученицы прогимназии, но их держали под строжайшим надзором и не подпускали к нашим воспитанникам, чем последние были, и совершенно справедливо, очень недовольны: очевидно, что здесь не могло случиться ничего неприличного. Угощение чаем, вареньем и булками для семинаристов и гостей было устроено в складчину: учителя сложились по рублю, а семинаристы по гривеннику. Впрочем, из всего этого угощения семинаристам отчислилось мало: все пошло гостям и в особенности гостьям. Пели и читали много и прошлогоднего; пели и неизбежных дев любви; вечер продолжался до 11 часов; семинаристы надеялись, что будут танцы, но за поздним временем не состоялось. — В субботу я с Заякиными (Мар<ьей> Матв<еевной> и Мих<аилом> Павл<ови-

чем») в Вытегорский погост, к о. дьякону Маклеонову,¹ женатому на Лизавете Викторовой, которую ты, может быть, помнишь. В воскресенье я был дежурным, и пришлось возиться с тяжело заболевшим учеником. — Посылаю тебе в этом письме деньги. Если окажется рубль-другой лишний, то теперь можно купить купончик-другой 2-й благотворительной лотереи. — Желаю здоровья и успехов. Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем тебя.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Вероятно, имеется в виду *Андрей Никитич Маклюнов (Маклеонов)* — законоучитель Кумчезерско-Покровского уездного училища, благочинный Покровской единоверческой церкви. См. также: Федор Сологуб в Вытегре. С. 285.

20

27 февраля (10 марта) 1892 г.

27 февраля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сегодня я получил твое письмо от 23 февраля, где ты рассказываешь про столкновение двух пылких особ на I курсе. Об этом происшествии я думаю совершенно так же, как и ты. Конечно, поколотить кого-нибудь — это такой поступок, которого похвалить нельзя. Но вполне понятно, что можно раздражить даже и очень смиренного человека до того, что он потеряет способность владеть собою и наделает того, чего в другое время и не желал бы делать. В этих случаях значительная часть ответственности падает на того, кто был зачинщиком и нанес первую обиду, особенно в том случае, если эта обида нанесена без достаточного основания, из одного только желания осмеять, сконфузить, обидеть. Насмешки над чужою внешностью, над чьими-нибудь привычками не могут быть никогда оправданы. Если же эти насмешки имеют вид какого-то задиранья, приставания к другим, то они и совсем неуместны для взрослых и уважающих себя особ. Поведение третьей особы, передавшей неуместный вопрос, тоже нельзя признать правильным; без этого необдуманного поступка дело могло бы и не принять такого оборота; всякий благоразумный человек, находясь в обществе лиц, готовых поспорить, должен стараться их примирить, успокоить, развести в разные стороны, отвлечь их внимание на другие предметы, во избежание неприятности быть свидетелем или участником чужих ссор, — но не науськивать их друг на друга. Затем, совершенно неблагоразумно требовать от начальства учебного заведения исключения одной из товарок. Это — неправильный образ действия, и начальство, конечно, не замедлит исполнить вторую часть просьбы, т. е. выдать документы просительницам, хоть бы их было даже и очень много. Да и немножко жестоко мешать человеку

учиться из-за личных отношений. Вообще, это дурная привычка из-за всякого пустяка обращаться к начальству. Лучше постараться обойтись своими средствами, — примирять, выразить порицание, прервать сношения с теми, кого признают виновными. Личные же их претензии друг к другу могут быть разобраны и без участия товаров: для этого есть суд и учебное начальство, и обиженные сами могут обратиться, куда пожелают. Это — вовсе не такой важный случай, чтобы из-за него стоило подымать длинные истории. Хотя он и разыгрался в такой громкий скандал, но все-таки дело остается совершенно ничтожным. — Так мне представляется значение этого дела. Пишу тебе все это потому, что ты желала знать мое мнение. Но, насколько я понимаю, мне кажется, что и ты думаешь приблизительно так же.¹ Какие же у вас еще случились 2 скандала? Напиши, если можно; напрасно ты думаешь, что у тебя выходит не то, что ты хочешь сказать. Последний случай ты рассказала вполне отчетливо, также и мнение твое об этом изложено достаточно полно. — Погода у нас теперь довольно теплая, дни чаще пасмурные, идет снег. Сегодня ясно, днем капало с крыш на солнце. На этой неделе маменька говеет, в субботу будет причащаться. — «Луч»² и «Иллюстрированный мир»³ мне высылали с начала года даром, но последний номер пришел от 18 февраля, и больше не присылают. Прекратился он или нет, — я ничего об этом не слышал и не читал. Кроме того, я выписываю газету «Новости».⁴ Больше ничего не получаю. — На днях получал письмо от Латышева. Пишет, что нашу семинарию, вероятно, переведут в Дерптский учебный округ и, может быть, уже с будущего года.⁵ — Что ты на это скажешь? Как переведут, куда, с нами или без нас, — ничего пока неизвестно. Здесь об этом еще ничего не знает никто, даже директор. — У нас назначен почетным попечителем на 3 года Звягинцев,⁶ но он еще у нас не был. — Умер старик Киселев,⁷ оставил 40 тысяч. — Знакомые тебе кланяются. Костин к нам ходит по-прежнему, с чего ему не ходить? — Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе успехов и здоровья.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ 23 февраля 1892 г. Ольга Кузьминична писала брату: «<...> в эту пятницу на нашем первом курсе произошла неприятная история; подрались две курсистки или, вернее, что одна поколотила другую, началось это так: одна, которая дралась, Великанова, уже третий год на первом курсе (ее, должно быть, помнит Заякина), ходит на лекции очень редко и всегда до безобразия намазана: все лицо, глаза, брови, точно кукла; все ее за это осуждали, старались ее обходить, она это, конечно, все замечала и не старалась с нами сближаться, но никогда никого из нас не задевала; в эту пятницу, между репетициями, Левкович (это которую била Великанова) стояла недалеко от Великановой с Функельштейн и с целью, конечно, чтобы задеть Великанову, сказала Функельштейн, чтобы она спросила, где та покупает себе белила, румяна и черную краску для бровей; Функельштейн пошла и передала все это Великановой, хотя та и сама все это слышала, но, если бы к ней не обратились лично, она, конечно, опять промолчала бы, а когда ее уж спросили, она была очень сконфужена да и рассердилась, ведь это при целом курсе, она Левкович обзвала старой девкой (а у Левкович есть муж и четверо детей) и еще сказала, что ей завидует Левкович, и еще там как-то ее ругала, я не слышала, и в доказательство того, что она не мажется, готова

вымываться при всех, но только чтобы Левкович перед ней извинилась при нас <...> Левкович не стала иначе извиняться, как только после мытья Великановой, та согласилась и на эту уступку, вымылась, но только без мыла, а так как она намазана жирными белилами и румянами, то они и не сошли, Левкович стала требовать, чтобы Великанова <ова> мылась в другой раз в аудитории и непременно с мылом <...> Великанова отказалась мыться, упала в обморок, потом скоро так вскочила и принялась бить по щекам и по голове Левкович <...> Едва Великанов оторвали от Левкович, заставляли Великанову извиняться, она не хочет, а пошла в контору и написала директору прошение. Несколько человек, пока еще шесть только, да, верно, больше-то и не будет, составили бумагу директору такого содержания: «Честь имеем просить Ваше превосходительство уволить с первого курса слушательницу Великанову, в противном случае просим возвратить нам наши документы. Слушательницы I курса: фамилии». Они думали, что все подпишут, а оказывается, что только шесть из 60 человек могли подписать, а все остальные отказались. Эти шесть обещают нам полное презрение, мы, по их мнению, подлые трусы, и они нам не будут подавать своих рук. По моему мнению, Великанова вынуждена была себя защищать, ведь она тех не тронула, кто ее не трогал, и эта Левкович очень несимпатичная особа и притом дерзкая. Я, если бы подписала, так себя считала бы трусихой, потому что не сочувствую Левкович и подписывать этот глупый приказ директору вовсе не желаю и ни за что не подпишу...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 113—116).

² «Луч» — бесцензурная политическая, литературная и общественная газета, издавалась в Петербурге в 1890—1903 гг., в 1890—1896 гг. редактор-издатель *Окрейц Станислав Станиславович* (1836, по другим сведениям 1834—после 1921) — публицист, мемуарист. В 1892 г. Сологуб опубликовал в газете стихотворения: «Сонет» («Полон ты желаньем дела...»; 7 января, № 3. С. 1); «Сказки невесте» («Время смеет чудесные сказки...»; 9 января, № 4. С. 1); «Беглянка» («Раз шалунье-капле стало скучно в море...»; 4 февраля, № 15. С. 1); «На озере» («Надутый ветром серый парус...»; 6 февраля, № 16. С. 1).

³ «Иллюстрированный мир» — с 1 июля 1890 г по 1903 г. — еженедельное приложение к газете «Луч», редактор-издатель С. С. Окрейц. Сологуб начал печататься в еженедельнике в 1890 г., в № 4 (28 января) он поместил стихотворения «Не гаси в своем сердце пожар...», «Се жених грядет в полночи» («В час внезапный, неизвестный...»), «Сердце просит любви, сердце полно тоской...»; в течение 1890 г. в «Иллюстрированном мире» были напечатаны его стихотворения: «Слезы» («Ты печальна. Друг мой, слезы...»; 4 февраля, № 5. С. 55); «Бледная ночь» («Небо бледно-голубое...»; 18 февраля, № 7. С. 78); «Свидание» («Долго играла заря и смеялась...»; 25 февраля, № 8. С. 91); в 1891 г. — стихотворения: «На реке и на погосте» («И дымят, и свистят пароходы...»; 5 мая, № 18. С. 206); «Тучи и ветер» («Тучки реют над ласковым небом...»; 12 мая, № 19. С. 218); «Утро» («Мутное утро грозит мне в окно...»; 19 мая, № 20. С. 230); «Не жалуйся» («Не жалуйся, что ты на свете одиночек...»; 23 июня, № 25. С. 291); «В июле» («Томителен июльский зной...»; 30 июня, № 26. С. 303); в 1892 г. — «Летний вечер» («Вечереет. Смотри...»; 26 января, № 4. С. 38); «Кувшинчики» («Сидел я под окном. Два мальчика босые...»; 9 февраля, № 6. С. 59).

⁴ «Новости и биржевая газета» — ежедневная политическая, литературная и экономическая газета; издавалась в Петербурге в 1883—1905 гг.; редактор-издатель О. К. Нотович. 30 января 1892 г. Сологуб впервые отослал в редакцию газеты свои стихотворения: «Что жалеть о разбитом бокале!..» (13 декабря 1889); «Тихо день догорал...» (30 апреля 1890); «Я упивался негой счастья...» (4 августа 1891); «Влетает злая жизнь! Ни счастья, ни свободы...» (7 августа 1891). В 1904—1905 гг. Сологуб опубликовал в газете серию общественно-политических статей.

⁵ См. письмо В. А. Латышева от 20 февраля 1891 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 45).

⁶ *Зявигицев Аркадий Илларионович* — начальник Вытегорского округа путей сообщения.

⁷ *Киселев Петр Васильевич* — городской голова, председатель городской думы, председатель правления Вытегорского вольного пожарного общества, член попечительного совета женской прогимназии.

6 (18) марта 1892 г.

6 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо я получил в понедельник, 2 м<a>r<та>, а посылку только в среду: в понедельник не успел, а во вторник было некогда, был дежурным. Очень благодарен тебе за пальто; оно хорошо сидит и красиво на вид. Но только зачем ты тратилась на него? У меня осеннее пальто еще есть, и оно прекрасно еще могло бы служить, — а тебе твои деньги могли бы пригодиться на тебя самое. Ты, должно быть, уж слишком экономничаешь, если можешь делать такие дорогие расходы. — Маменька говорит, что ты обещала ей прислать к весне тальму,¹ или что-то вроде. Твоих денег, конечно, не хватит, так ты напиши, сколько надо будет тебе прислать для этого, да напиши поскорее, чтоб тальма поспела к Пасхе. — Пальто совсем впору; я уже надевал его в среду утром, потому что в тот день было тепло; перчатки тоже впору, и за все присланное очень тебе благодарен; только боюсь, что ты разорешь себя. — Маменька здорова, а говела она на второй неделе потому, что тогда службы короче. И кофта, и юбка маменькины хороши, и впору, и сидят хорошо, маменька тебя за них благодарит. — Что касается вашей истории между Вел<икановой> и Лев<кович>, то, конечно, ты поступаешь очень благоразумно, если не участвуешь в ней. Соображение о том, что скажут студенты, очевидно, нехорошее и трусливое соображение: каждый должен жить своим умом, а не умом студентов, которые и сами-то еще, по большей части, более иди менее наивные мальчики, не могущие еще служить для других образцами. — Павел Иванович² спрашивал меня на днях, что стоит учиться на ваших курсах, можно ли поступать пансионеркой и за какую плату и т. д.; должно быть, это ему нужно для его сестры? Я все эти сведения (о приеме пансионерками, о плате за них) не совсем твердо помню и обещал ему спросить у тебя. Напиши, пожалуйста, об этом обстоятельно, чтоб можно было вполне удовлетворять Павла Ивановича. — Была ли ты на экзамене сельских бабок? В газете «Новости» общалось кратко об этом экзамене.³ — У нас здесь теперь довольно тепло, днем каплет на солнце, но бывают ветры, и снегу очень много. — Вембер⁴ писал Ахутину, что нашу семинарию предполагается перевести в гор<од> Валк, Лифляндской губернии; в прошлом письме я, кажется, писал тебе, что и я получил письмо от Латышева с таким же известием. Г-жа Вембер писала об этом под секретом начальнице прогимназии, а та проболталась, и теперь уж некоторые в городе знают об этом предположении. — Заякина предполагают перевести в Лодейное Поле заведующим, а на место Цв<еткова>, который выйдет в отставку,

переведут из Лод<ейного> П<оля> Пашковского.⁵ Мар<ья> М<атвеевна>⁶ уже заранее злится на то, что А<нна> П<авловна> и Пр<асковья> М<атвеевна>⁷ тоже хотят переселяться туда же. — Мы с маменькой целуем тебя и желаем здоровья и успехов.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Тальма — женская длинная накидка без рукавов.

² П. И. Соколов.

³ В газете «Новости» сообщалось, что 27 февраля 1892 г. в Надеждинском родовспомогательном заведении проходил публичный экзамен школы сельских повивальных бабок. См.: Новости. 1892. 29 февр. (12 марта), № 59. С. 3.

⁴ *Вембер Петр Васильевич* — соученик Сологуба по Учительскому институту, впоследствии инспектор народных училищ г. Либава.

⁵ *Пашковский Михаил Федорович* — выпускник Учительского института 1881 г., член Лодейнопольского уездного училищного совета, заведующий Лодейнопольским двухклассным городским училищем, впоследствии учитель-инспектор Коломенского городского училища в Петербурге.

⁶ М. М. Заякина.

⁷ А. П. Заякина и П. М. Заякина.

22

13 (25) марта 1892 г.

13 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо мы получили в понедельник, 9 числа. Надеюсь, что ты получила то письмо, которое я послал тебе 6 марта. У нас случилась большая неприятность для нашего родителя: пропал кот. Сбежал в воскресенье, и с тех пор не возвращался, и нигде не находится.¹ Маменька слышала вчера от нашей Анны, что на огороде у Ратьковых² лежит какой-то мертвый кот, ходила туда посмотреть сегодня утром, но оказалось, что это не наш. Зато маменька встретила какого-то кота, как будто нашего, который оглядывался на кличку Цыган, но убежал в квартиру к Петру Ратькову; если наш, то, значит, очень одичал. Так и не приходит до сих пор. — Погода у нас стояла довольно теплая, но сегодня идет снег, вообще, в этом году было много снегу. — На прошлой неделе в четверг, 5 марта, у нас были Ахутины, Юнкеры и Копытов. В воскресенье, 8 мар<та>, мы с маменькой были у Ахутиных; у них ожидается в скором времени приращение семейства. В пятницу 6 марта были с маменькой у Юнкеров; совсем, значит, закружились в вихре увеселений. — На днях получил печатное уведомление от «Луча», что газета временно приостанавливается по болезни Окрейца и потому, что на этот год оказалось мало подписчиков и потому газету издавать не на что. 20 февраля назначена была продажа с торгов права на издание «Луча», но почему-то продажа отложена. Впрочем, обещают, что газета приостановлена только на короткое время, а затем подписчики будут удовлетворены

вполне. — Новостей у нас никаких пока нет. Время идет ужасно быстро, так что и не замечаешь его, и не успеваешь опомниться, как пролетают недели за неделями. Меньше, чем через 3 месяца, мы с тобою увидимся, — вот уж как мало осталось времени. — Кончились ли ваши истории на курсах? Можно думать, что такие страшные особы, как Марья Матв<еевна> Заякина, часто встречаются, и у вас таких субъектов много. Кстати, забыл написать, что в субботу, 7 марта, у нас были все Заякины. Праск<овье> Матвеевна, кажется, очень не нравятся, что Заякина хотяк перевести в Лодейное Поле. «Как же мы-то останемся?» А Мар<ья> Матв<еевна> очень была бы рада: и берет ужасная злость, зачем существуют эти 2 особы. — Еще забыл тебе сообщить: у Мар<ьи> Матв<еевны> умерла мать, в Дерпте. — Не забудь написать (я просил тебя об этом в прошлом письме), сколько тебе надо прислать денег в марте, чтобы маменьке купить тальму. Да, если тебе нужно что покупать, ты не стесняйся: теперь у нас будет много денег: скоро получим майские квартирные. — Мы с мам<енькой> целуем тебя.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

На полях: В фев<альскую> книгу «Сев<ерного> вестника» попали мои стихи.³ Это хорошо: «С<еверный> в<естник>» — журнал солидный, не «Луч» и не «Свет».⁴

¹ Ср. эпизод с котом в романе Сологуба «Мелкий бес»: «Варвара с озобоченным лицом встретила Передонова. „Ардальон Борисыч! — воскликнула она, — у нас-то какое приключение! Кот сбежал“. — „Ну! — крикнул Передонов с выражением ужаса на лице. — Зачем же вы его отпустили!“» (гл. 19).

² Вероятно, имеются в виду *Ратьков Александр Васильевич*, действительный член Губернского статистического комитета, почетный мировой судья, действительный член Петрозаводского благотворительного общества, и *Ратьков Петр Васильевич*, гласный губернского земского собрания, председатель уездной земской управы.

³ Речь идет о первой публикации Сологуба в журнале «Северный вестник»: в № 2 за 1892 г. было опубликовано его стихотворение «Вечер» («Что за прелесть! Смотри...»). 12 марта 1892 г. Сологуб писал Н. М. Минскому: «Многоуважаемый Николай Максимович! Приношу Вам мою глубочайшую, искреннюю благодарность за Ваше дорогое для меня внимание к моим стихам и за Ваше любезное уведомление о стихотворении, напечатанном в „Северном вестнике“. Прошу извинить, что не мог ранее выразить моей благодарности: „Сев<ерный> в<естник>“ в нынешнем году я не получаю, февральской книжки до сих пор не видел и о напечатании стихотворения узнал только из Вашего письма. Примите уверения в глубочайшем почтении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть Ваш покорнейший слуга Федор Тетерников» (РО ИРЛИ, ф. 39, оп. № 345, л. 3). О сотрудничестве Сологуба в «Северном вестнике» см.: *Куприяновский В. П.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // *Русская советская поэзия и стиховедение.* М., 1969. С. 125—128; *Сологуб Ф.* Переписка с Л. Я. Гуревич и А. Л. Вольнским // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год.* Л., 1974. С. 112—130; *Дикман М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // *Федор Сологуб.* Стихотворения. С. 13.

⁴ «Свет» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1882—1917 гг. В 1889 г. в газете были опубликованы стихотворения Сологуба: «Детское пенне» («Я слушаю детское пенне...»; 28 мая, № 120. С. 3); «Я люблю. Мечтою чистой...» (20 июня, № 138. С. 3).

21 марта (2 апреля) 1892 г.

21 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Посылаю тебе в этом письме 30 руб. Не будет ли это тебе мало? Если мало (особенно в том случае, если почему-нибудь не придется получить обещанной работы), то напиши: можно будет успеть выслать еще. Твое последнее письмо от 11 марта получено в понедельник, 16 марта. О. Павел Иванович и Евгения Ивановна благодарят за доставленные сведения. — Я писал тебе последний раз 13 марта; надеюсь, что теперь ты получила это мое письмо. У нас стояла довольно теплая погода, и порядочно таяло. Но третьего дня выпало много снега, и теперь город на зимнем положении, хотя вчера на солнце было 10° R тепла. Судя по газетным известиям, у вас в Петербурге в начале недели было тепло. — На днях получил письмо от Латышева,¹ где опять повторяется известие о вероятном переводе нашей семинарии в Дерптский уч^{ебный} округ, но прибавлено, что, должно быть, переведут со всем штатом. — В прошлое воскресенье мы с маменькой были у молодых Заякиных. Они, по обыкновению, ссорятся. М^ар^я М^атвеевна все собирается в мае ехать домой, в Дерпт. — Подвысоцкий надеялся, кажется, на перевод в Берлин; неизвестно только, какое могло бы быть место в Берлине. Но теперь, по-видимому, перестал уже ждать этого перевода, а вообще собирается будущий год жить в Вытегре: о предполагаемом переводе в Дерпт^{ский} округ еще ничего здешним, кроме меня и Ах^{утина}, неизвестно. Ах^{утин} получил от Вембера письмо с известием, что для семинарии нашей найден уже и город: Валк² в Лифл^{яндской} г^{убернии}; на железной дороге. — Знают об этом, впрочем, еще Соколов и Костин: Ах^{утин} нашел нужным их предупредить. — Пасха нынче случалась в неудобное число: 5 апр^{еля}. Если бы она была не раньше 10-го, то апрельское жалованье выдали бы перед Пасхой; а нынче не дадут. — Желая тебе получить занятия перед Пасхой: может быть, и успеешь заработать что-нибудь. Но только, если мало будет, то, пожалуйста, напиши: можно будет успеть еще до Пасхи прислать. Мы с маменькой целуем тебя и желаем успехов и здоровья.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

Р. С. Как ваши дела? Прекратились междоусобия или все еще продолжаются?

¹ См. письмо В. А. Латышева Сологубу от 12 марта 1892 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 46).

² Ныне — г. Валка в Латвии. См. также примеч. 1 к п. 30.

28 марта (9 апреля) 1892 г.

28 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо я получил во вторник, 24 марта; посылка получена в четверг, 26 марта. Посылка дошла совершенно хорошо, только коврижка немного потерялась от веревки. Маменька тебя благодарит за тальму и башмаки; только ей кажется, что тальма длинновата, хоть это и не совсем верно: тальма, мне кажется, впору, — вершка на $1\frac{1}{2}$ или на вершок не хватает до полу. Башмаки тоже немного длинноваты, но, впрочем, сидят хорошо. — Ты на эту посылку много потратилась, и теперь у тебя, может быть, мало денег; если тебе будет надо денег, так ты напиши. — Наш Цыган нашелся: пропадал он ровно неделю, и в следующее воскресенье вернулся сам, чем ужасно обрадовал родителя. Потом маменька уж боялась выпускать его на двор, и пускала только на чердак. — Погода у нас теперь совершенно зимняя; навалило много снегу, часто бывают сильные ветры и даже стоят небольшие морозы. В Благовещенье шел сильный снег, и была метель; поэтому маменька уверена, что в Пасху будет непременно худая погода. Сегодня почти ясная погода; хоть на небе и носятся облака, но солнце светит почти все время. Какая-то погода у вас в Петербурге? — Удалось ли тебе получить обещанную работу на микроскопической станции?¹ — У нас сегодня в семинарии были почти все уроки (кроме последнего). Своим дежурством на страстной неделе в субботу я поменялся с Иваном Александровичем Копыт<овым>, так что мне придется дежурить, как прошлый год, в самое Светлое Хр<исто-во> Воскресенье. — В прошлое воскресенье было у нас целое скопище гостей: Ахутины, Кикины, Соколовых трое: чета супругов и Евгения Ивановна. Павел Иванович на этой неделе служит для наших школьников, которые теперь говеют. — Новостей у нас никаких не слышно; старое по-старому, нового ничего. — Желая весело встретить праздник. Мы с маменькой целуем тебя и желаем здоровья и успехов.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.²

¹ Речь идет о работе на микроскопической станции при Санкт-Петербургской городской бойне.

² Далее зачеркнуто: Меня на днях маменька опять высекла.

2 (14) апреля 1892 г.

2 апреля 1892 г.
Вытегра.Христос воскрес!

Милая Оля!

Поздравляю тебя с Праздником Светлого Христова Воскресенья; маменька тебя тоже поздравляет. Это письмо ты получишь, должно быть, в понедельник. Если бы оно пошло с предыдущей почтой, то попало бы к тебе в субботу; а к воскресенью, стало быть, его пригнать и нельзя. Мы с маменькой целуем тебя и желаем весело встретить и провести праздник. Письмо твое, написанное в Благовещенье, получил 30 марта, в понед<ельник>. Сейчас получил другое твое письмо, от 29 марта. За поздравление очень благодарен, но — я не говорю на этой неделе: авось, можно будет пропустить этот раз. — Я тебе писал последний раз 28 марта, значит, ты могла получать письмо не раньше среды на Страстной неделе. Там я тебе, кажется, писал о Цыгане, что он нашелся: пришел сам после недельного отсутствия, сильно отощал; теперь дома и не пропадает. — О чем это Вы с Дмитрием ухитрились побеседовать целый вечер?¹ Должно быть, он был очень красноречив, если нашел материала для беседы; а ты пишешь, что он не сообщил ничего интересного! Надеюсь, что ты и от нас поклонилась нашим родственникам; а если не сделала этого, то следующий раз передай наши с маменькой поклонны. — У нас были морозы, хоть и маленькие; в последние дни стало теплее, а сегодня светит солнце, есть теплый ветерок и понемногу тает. Впрочем, дороги еще не испортились: почта ходит довольно исправно и сегодня к нам принесли твое письмо в 4 часа дня. — Я слежу по газете «Новости» за температурой у вас в СПб. Сегодня напечатано, что в воскресенье утром (29 марта, в 7 ч. утра) было немножко больше 0°, значит начинает делаться теплее и у вас, — и слава Богу, давно пора быть настоящей весне, а то зима у нас уж слишком запоздала. — Маменька мешок от тальмы отпорол: так ей кажется лучше; ворот у тальмы немного тесноват, да это можно переделать. — Благодарим тебя за тальму и маменька, и я. — Будь здорова; мы с маменькой целуем тебя и желаем успехов и весело провести Пасху. — 1 апреля я был у Заякиной: она была именинница в тот день.²

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.¹ См. примеч. 1 к п. 11.

² Имеется в виду М. М. Заякина; 1 (14) апреля отмечается память прп. Марии Египетской.

26

11 (23) апреля 1892 г.

11 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо мы получили в понедельник, 6 апреля. Надеюсь, что и ты получила мое письмо в тот же день. Праздники прошли, как всегда, очень быстро и незаметно. Мы с маменькой были в понедельник у Заякиных, сидели недолго, до 10 ч.: у Марьи Матвеевны разболелась голова, она легла спать, а мы напились чаю да и ушли. Вчера были вечером у Кикиных, где были и Соколовы, но сидели тоже часов до 10. В воскресенье я был дежурным: поменялся с Копытовым, а вместо субботы дежурил в первый день Пасхи. В воскресенье днем были у нас Ахутины с старшею дочкой. Ждали на второй день приращения семейства, но ребенок родился только в четверг, и, к великой радости Ахутина, родился сын, которого назвали Александром. Ахутин, конечно, сияет от восторга. — В четверг вечером были у нас Кикина и Соколова, а потом пришли Нечаевы. Сидели часов до 12. Нечаев был очень взволнован городскими слухами о том, что семинарию закрывают или переводят. Об этом теперь говорят уже многие в городе, и всем это рассказала начальница прогимназии, которая узнала про это от жены Вембера по секрету. Нечаеву не нравится перспектива потерять 420 р. в год, и он очень негодует на то, что ему никто не рассказал всего заблаговременно и подробно. Беда только в том, что мы здесь никто не знаем наверное, будет ли семинария переведена или нет. — Кроме Ахутиных, в первый день праздника были у нас: Нечаев, Костин, Смелов, Подвысоцкий, Копытов и Юнкер. Директору я визита опять не делал; не делали ему визитов еще о. Соколов, Ахутин и Костин. Директор отдавал визиты тем, кто у него был, в среду, и в этот день мы с Ахутиным встретили его у Копытова: мы сидели там, а он пришел. — Погода у нас довольно теплая, снег сильно тает, на улицах везде грязь и лужи. — Как ты встретила и проводила праздники? — Вскрылась ли у вас Нева? Говорят, что нынче она должна вскрыться 10 или 11 апреля. Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем тебя.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

19 апреля (1 мая) 1892 г.

19 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Как поживаешь, здорова ли ты? На Пасхе ты писала, что простудилась и от ветчины захворала; прошло ли все это? Последнее письмо твое я получил 12 апреля, в воскресенье; почта нынче запоздывает на целые сутки; а с этою субботнею почтой, которую мы получали сегодня утром, твоего письма нет. — Мы покупали нынче окорок у Гусева, небольшой, фунтов в 10, но он у нас и теперь еще не кончен. — Погода у нас была пасмурная и холодная, а сегодня очень тепло и солнце светит; снег везде сошел, Вытегра давно уже вскрылась. Вскрылась ли теперь Нева? — Вчера я узнал, что Заякины на нас очень рассержены; стало быть, ухитрились и с нами поссориться! Возвращаясь вчера с маменькой из церкви, они высказали ей свою обиду. Дело было так: 10 апреля мы с Костиным отправились днем к Юнкерам поиграть в шахматы. На улице около клуба встретились с Мих<аилом> Пав<ловичем> и Мар<ьей> М<атвеевной>, — они гуляли с ребенком; — мы объяснили им, что идем к Юнкеру, они сказали, что собирались к нам после прогулки. Я говорю, что у Юнкера побуду недолго и вернусь домой к тому времени, когда они к нам придут; а пока мама дома. Но они объявили, что в таком случае они придут в другое время. Теперь оказывается, что они очень оскорбились тем, что я пошел к Юнкеру, а не отправился домой — ждать их часа два! — Само собою разумеется, что ни объясняться, ни извиняться я перед ними не намерен, и не пойду к ним, пока они сами не придут. А не придут — и слава Богу. Слишком много у них претензий, и очень нахальных! Почему же я не мог располагать временем, пока они гуляют, и должен был непременно дома готовиться к такой высокой радости? Вообще, я буду очень рад, если от них избавлюсь. Особенно маменька у них — пренеприятная и пренежежливая. В понед<ельник> на Пасхе сами нас зазвали, а потом в 10-м часу Праск<овья> Матвеевна объявляет нам: «Пора и домой идти, надо и Мише отдых дать!» Пренахальные людишки! — Пиши скорее, как поживаешь. Мы с маменькой целуем тебя и желаем всего хорошего. — Хотел было отправить письмо сегодня, да лучше отправлю завтра — с деньгами. Если не хватит, то напиши: в мае квартерные — можно выслать.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

28 апреля (10 мая) 1892 г.

28 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Третьего дня получил твое последнее письмо от 21 апреля. Ты пишешь в этом письме, что заведение предполагают закрыть с 15 мая до 1 сентября. Стало быть, и занятия ваши в это время прекратятся, и для вас будут каникулы, или вы будете заниматься в другом помещении? Напиши об этом; это очень интересно знать. — Что касается нас, то говорят, что закрытие нашей семинарии с тем, чтоб открыть вместо нее семинарию в Дерптском уч^{ебном} округе, уже решено. Но наверное здесь еще ничего не известно. — Завтра у нас назначен совет, на котором и будут назначены экзамены. Директор и не подозревает, что семинарии угрожает опасность, и строит вокруг семинарского двора новый забор. Особых денег ему начальство не отпустило на постройку забора, хоть он и просил об этом, и потому забор строится на хозяйственные средства. — У Дроздова недавно родилась девочка. Ахутины окрестили своего сына на прошлой неделе. Крестным отцом был Юнкер, а крестил о. Павел. — У старшей дочери Дроздова — скарлатина, и он теперь не является в семинарию. — В пятницу встретился на улице с Заякиными, — встретились совершенно дружелюбно, долго объяснялись, — и на другой день они пожаловали к нам: значит, не удалось поссориться. — У нас настали наконец совсем теплые дни. Погода ясная, светлая, на улицах грязь везде обсохла, и только почта по-прежнему запаздывает, и почтальоны приносят газеты позже обыкновенно на целые сутки. — Вчера мы с маменькой были у Нечаевых; Нечаев очень сожалеет, что отказался в прошлом году от каких-то мест в Кириллове и Десятинах¹ на работах по переустройству системы. — Я на днях дал твой адрес Евгении Ивановне Соколовой; она хотела тебе писать о чем-то, и ты теперь, должно быть, уж получила это письмо. — Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем тебя, желаем тебе здоровья и успехов в занятиях.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду село Деятины, расположенное в 22 верстах от Вытегры.

30 апреля (12 мая) 1892 г.

30 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сейчас получил твое письмо, написанное 27 апреля. Из этого письма видно, что ваши занятия окончатся 7 мая, и что до сентября у вас не будет приемок. Стало быть, летом ты будешь свободна, а потому не лучше ли тебе будет приехать на лето в Вытегру? Маменьке, кажется, очень не хотелось бы ехать в Петербург на лето. Напиши, что ты об этом думаешь, и напиши также, сколько тебе надо будет прислать денег на дорогу. — Пароходы от Вытегры до Вознесенья уже ходят, уже около недели тому назад начали, — а от Петербурга теперь, должно быть, тоже скоро начнут ходить большие; по каналам же судоходство уже началось. Онежское озеро, кажется, еще стоит. — С Заякиными мы помирились, как я тебе писал в прошлом году <письме? — Т. М.>. Заякин рассчитывал занять место Цветкова, который собрался выходить в отставку, но теперь вдруг передумал и хочет остаться. — Вчера у нас был совет, на котором распределены экзамены. В приготовительном классе экзамены окончатся 22 мая, — значит, мне уж не долго остается работать. Пиши скорее ответ. Я писал тебе третьего дня (надеюсь, что ты получила это письмо), а теперь пишу опять, чтоб поскорее узнать, как ты думаешь поступить. Маменька кланяется тебе и целует тебя. Желаем тебе успеха на экзаменах.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

Р. S. Если будешь свободна, то лучше приезжай: ты лучше нас с маменькой сумеешь продать нашу мебель, если придется отсюда выбирать совсем. А это, кажется, будет нынче, хоть мы ничего и не знаем, и директор преспокойно строит забор. Но Душечкин¹ писал Ахутину, что К. К. Сент-Илер сказал ему, что перевод семинарии — дело решенное.²

¹ Душечкин Яков Иванович (1864—?) — соученик Сологуба по Учительскому институту, учитель-инспектор Новгородского городского училища, впоследствии учитель Выборгского городского училища, редактор журнала «Учительское дело», составитель учебных пособий: «Раздельная азбука» (Новгород, 1895), «Сборник игр с указаниями, относящимися к постановке и воспитательному значению их» (СПб., 1903, «Наша речь» (М., 1909), экземпляры которых с дарственной надписью Я. И. Душечкина имелись в библиотеке Сологуба (см.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию. С. 439, 457, 492).

² Далее зачеркнуто: Этот месяц для меня был тяжелый: я получил две сильные порки.

6 (18) мая 1892 г.

6 мая 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Посылаю тебе в этом письме немного денег из квартирных. Посылаю мало потому, что не знаю, как устраиваются твои дела, свободна ли ты теперь или нет. Если свободна, то приезжай сюда. Третьего дня получил письмо от Латышева: он пишет, что наша семинария еще на один год останется на месте со всеми служащими; стало быть, этот год вполне обеспечен.¹ Я уже писал тебе, что маменьке не хочется ехать летом в Петербург, и потому, если ты летом свободна, то время до сентября, я думаю, лучше провести в Вытегре. Если денег тебе мало будет, то напиши или пошли телеграмму, где достаточно обозначить только число денег; телеграмма будет всего из 5 слов: Вытегра, учителю Тетерникову, (число руб. цифрами), Тетерникова. Число из цифр считается за одно слово, если не больше 5 цифр, это будет стоить 40 коп. — Посылаю деньги поздно потому, что получил квартирные только 4 мая, 5 не успел отправить, не знаю, открыта ли будет почта сегодня. Если ты будешь свободна с 7 мая и уедешь вскоре, то это письмо может тебя и не застать; вот почему я и не решаюсь послать теперь больше. В прежних письмах ты не писала определенно, прекратятся ли у вас занятия вполне или нет. Я тебя спрашивал об этом уже в двух письмах, но твой ответ не может прийти раньше, как завтра. — Новостей у нас нет. Александра Михайловна² выражала желание, чтоб ты приехала, — еще повидаться этим летом, а то потом, может быть, нас с Ах<утиным> разведут в разные города. — Мы с маменькой целуем тебя и желаем успеха в экзаменах. Будь здорова, — авось, скоро увидимся.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ См. письмо В. А. Латышева Сологубу от 29 апреля 1892 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 47). Учительская семинария в Вытегре была закрыта, согласно постановлению Министерства народного просвещения, 1 июля 1894 г. В постановлении отмечалась необходимость открыть классы Валжской учительской семинарии (см.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. 13. С. 447—448); на это событие Сологуб откликнулся в статье «По поводу закрытия некоторых учительских семинарий» (Русский начальный учитель. 1894. № 8—9. С. 382—390).

² А. М. Ахутина.